

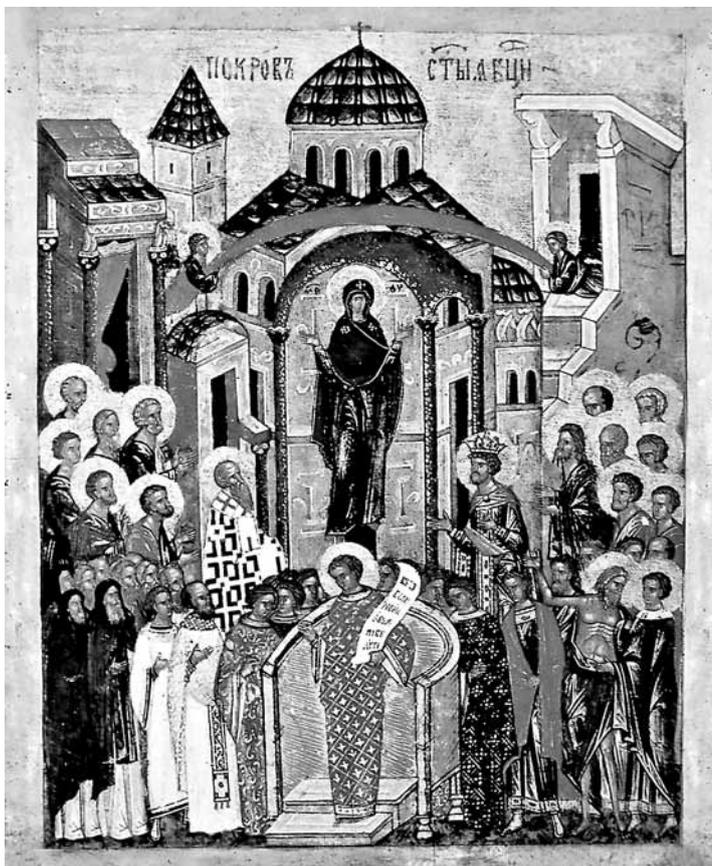

Газета

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

Царица Небесная простирает Свой покров над всеми – стр. 3

Царица Небесная – самый первый Апостол Доброты, и каждый христианин очень ясно чувствует Ее апостольское свидетельство. Может быть, поэтому на Руси так почитаем этот странный, нам самим не понятный праздник – Покров Богородицы... Я думаю, сам образ Покрова есть величайшее откровение, икона, которая без слов, священным языком искусства, говорит больше, чем любые самые правильные слова. И эта проповедь доходит до самых потаенных глубин сердца.

Архимандрит Савва (Мажуко)

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Обращение к приходу

о. Александр Борисов
Кому Господь посылает Крест 2

Церковные даты

Архимандрит Савва (Мажуко)
Священное юродство доброты 3

События и факты

Музей А. Меня меняет прописку 5
Татьяна К.
Волжские берега Александра Меня 5

Приход: жатва и делатели

Колонка Михаила Завалова
Пустота и рождение общины 9
Татьяна Курсанова
Освободить место Учителю
(о выездной конференции) 10
Владимир Ерохин
Врач моего сердца
(о Ф. С. Крайко) 13
Татьяна Макарова
«Мы – гусеницы ангелов»
(Продолжение) 15

Дороги паломников

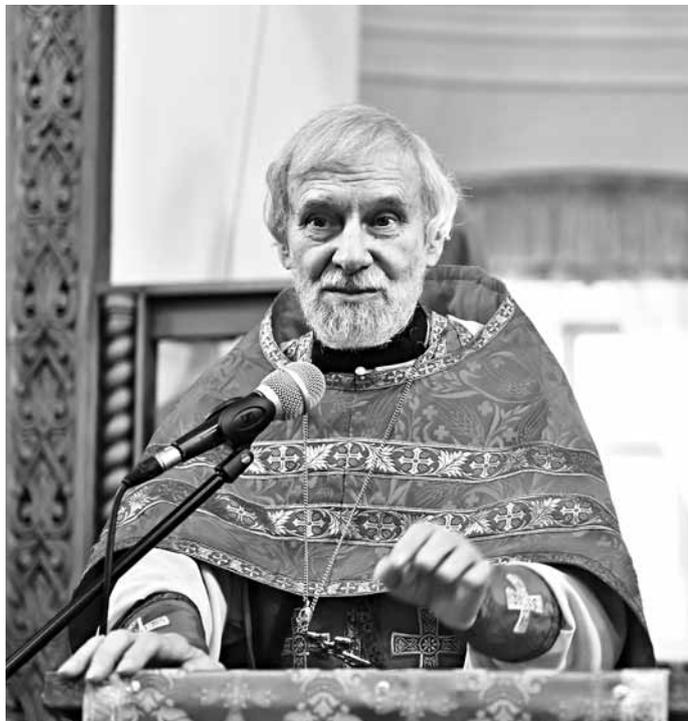
Владислав Дорофеев
Две встречи с Печорами 18
Владимир Грудский
Эллада от Олимпа до Христа
(Продолжение) 20

Священное Писание и поэт

Григорий Зобин
Сказал мне: «Иди и убей» 23

Кому Господь посылает спасающий Крест

*Протоиерей Александр Борисов,
настоятель*

Дорогие друзья!
Второй двенадцатый праздник церковного года – Воздвижение Креста Господня дает нам направление нашей духовной жизни на весь предстоящий год. Позволю себе привести несколько отрывков из проповеди о. Александра Меня, сказанной в этот праздник.

«В этот день Церковь вспоминает, как после раскопок, проведенных царицей Еленой, патриарх Иерусалимский воздвиг найденный Крест Христов над толпой молящихся, повторяющей слова "Господи, помилуй!" Теперь этот Крест, поднятый над верующими христианами, является знаком Церкви Христовой, а праздник Воздвижения – праздником ее победы и торжества.

Как Крест 300 лет был под спудом, так и Церковь Христова была гонима, была презираема, была притесняема. А в некоторые годы на нее обрушивались такие жестокие преследования, что они приводили к появлению сотен мучеников. При императоре Константине произошел поворот. Он провозгласил свободу вероисповедания по всей своей державе.

Что же заставило его пойти на этот шаг? Почему, в конце концов, признали Церковь? И почему так много людей в нее пошло? Император был человеком государственным и понимал, что нельзя уничтожить и побросать в тюрьмы всех. Он видел, что тысячи людей крестятся, тысячи людей обращаются в веру Христову!

Спросим теперь себя: каким образом тогда, много веков назад, Церковь победила? Чем она победила? Ясно одно – она победила своим примером. Люди, верующие во Христа, были добрее, чище, сильнее, мужественнее всех остальных. Язычники и неверующие невольно смотрели на них как на высокий образец подражания. Можно сказать, что члены Церкви являлись лучшими людьми в государстве, кем бы они ни были: офицерами, рабами, слугами или учеными, ремесленниками или мудрецами. Вот это-то и привлекло к вере Христовой множество новых последователей.

Сила наша, сила Церкви Христовой заключается в жизни по заповедям Евангелия. Сила наша заключается и в том, что Дух Божий должен действовать через нас. Но часто мы, считая себя христианами, говоря об этом людям, рядом с которыми живем, пренебрегаем заповедями евангельскими. Довольствуемся тем, что раз в неделю приходим в храм, постоим здесь, приобщимся Святых Тайн и идем дальше жить, как язычники.

Если душа наша будет слабой, вялой, маловерной, если Дух Божий не будет действовать в нас, то и слово наше будет бессильно, бессильно будет и явление веры нашей, потому что в ней не Господь будет действовать, а наша привычка».

«Вот поэтому, дорогие мои, мы не являем теперь настоящего примера. Сейчас мы не та Церковь, которая обратила огромное государство.

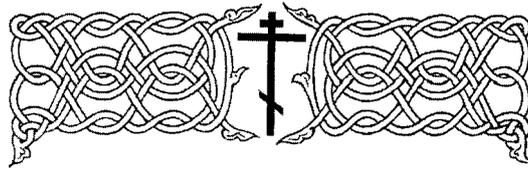
Сегодня, когда будете идти домой, пусть каждый из вас задаст себе вопрос: "Как же я исполняю свой христианский долг? Живет ли во мне Господь? Прошу ли я, чтобы Он дал мне эту силу веры, силу Духа? Или живу бесцветно, вяло, равнодушно, пусто, отягощенный грехами и сном духовным?" Вот о чем надо подумать.

Если мы захотим действительно выполнить волю Христову, если захотим действительно получить помощь Божию, чтобы стать христианами, Господь пошлет нам спасающий Крест.

Его сила дается каждому, каждый может получить дар этой благодати и воскреснуть: проснуться и стать во много раз сильнее духовно. Потому что Господь спасает нас Своей бесконечной искупляющей силой. Она дана нам, она обещана нам! Днесь дано нам спасение, и только от нас зависит, чтобы мы приняли силу Креста Христова, усвоили и в жизни своей осуществили то, что Господь нам заповедал».

Желаю, дорогие мои, всем нам проникнуться этими вдохновенными словами замечательного пастыря Христова и идти по жизни с Верой, Надеждой и Любовью. Храни вас всех Бог!

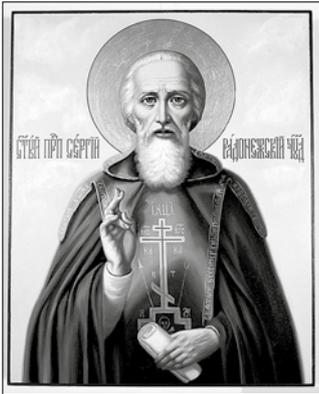

**8 октября – Преставление преподобного Сергия Радонежского,
вселя Руси чудотворца**

14 октября – Покров Пресвятой Богородицы

26 октября – Иверской иконы Божией Матери

Священное юродство доброты

Архимандрит Савва (Мажуко)

В связи с днем Покрова Пресвятой Богородицы архимандрит Савва (Мажуко) размышляет о том, почему на Руси этот праздник так почитаем.

Мне рассказали историю, которая произошла в наше время на глазах у миллионов зрителей. Это был выпуск новостей египетского телевидения, прямой эфир. Популярный телеведущий вел обычную новостную программу и привычно общался об очередном убийстве христиан в одной из отдаленных деревень. Это уже так часто случалось, что перестало быть сенсацией. Поэтому действовали

по классической схеме: зачитать текст, связаться с корреспондентом на месте, бегло опросить очевидцев. Но в этот раз журналистам удалось подвести к камере мать убитого юноши-христианина, и в типичном сюжете появилась острота! У женщины было всего несколько секунд, чтобы высказаться в эфире, и ей было что сказать:

– Сегодня у меня убили сына! Тот, кто это сделал – где-то рядом и, может, даже слышит меня в эту минуту. Хочу ему сказать: сынок! Я знаю, как тебе тяжело, с каким грузом на сердце ты ходишь, и я хочу, чтобы ты знал: я тебя прощаю!

Что бы вы почувствовали, окажись в этот миг перед экраном? Совсем других слов ожидал зритель, и

даже ведущий не был готов к такому повороту: взрослый мужчина, опытный журналист, он расплакался прямо перед камерой, причитая: «Что за люди эти христиане? Откуда в них столько доброты?»

Когда мы сами свидетельствуем о своей вере, это красиво и достойно.

Когда о нашей вере свидетельствуют люди внешние, свидетельство обретает небывалый вес.

Исламского журналиста поразила эта неземная доброта и милосердие, которое невозможно, неестественно для обычной земной женщины, и только христиане, настоящие ученики Христа, способны нести такое всеокупающее свидетельство.

Нас окружает такое облако слов, идей, образов, что порой и не пробиться сквозь него, чтобы понять, за кем идти. Вот в такие времена нужны свидетели подлинного христианства, апостолы доброты и всепрощения. А если нет живых свидетелей, у нас есть Крест, на котором распят Тот, Кто ради любви к людям пролил Свою кровь.

Христос умирал на Кресте не только ради будущих апостолов, святых и прозорливцев, составивших славу Церкви. Он отдал Себя на смерть и за тех, кто обрек Его на казнь, кто плевал ему в лицо и с детской тщательностью подбирал самый колючий терновник для венка Осужденного. Милосердие Бога – для всех! Это и есть путь подлинного христианства, по которому вслед за Христом идут Его ученики.

Царица Небесная – самый первый Апостол Доброты, и каждый христианин очень ясно чувствует Ее апостольское свидетельство. Может быть, поэтому на Руси так почитаем этот странный, нам самим не понятный праздник – Покров Богородицы.

Разве нам так дорога память избавления далекого и полумифического Константинополя от нашествия захватчиков? Вовсе нет! Что нам до военной истории средневековья!

Неужели мы так почитаем святого Андрея, чтобы каждый год вспоминать его видение? Что вы! У нас есть более чтимые имена!

Так в чем же дело? Я думаю, сам образ Покрова есть величайшее откровение, икона, которая без слов, священным языком искусства, говорит больше, чем любые самые правильные слова. И эта проповедь доходит до самых потаенных глубин сердца. Посмотрите на икону.

Вот дьякон стоит на амвоне греческой церкви.

Вот император и его двор склонились в молитве перед алтарем.

Вот юродивый показывает мальчику на то, что в этот момент происходит в Небесной Церкви: Царица Ангелов простирает Свой покров над всеми молящимися.

Почему из всей истории наши предки запомнили лишь слово «покров»? Потому что он протянут над всеми!

В те времена практически все граждане империи были прихожанами церкви, не было нецерковных людей. Скажите: все эти люди были достойными, праведными, благочестивыми? Никто не изменял

женам, не избивал детей, не брал взяток, не издевался над слабыми, не отбирал последнее у вдов и сирот? Память православной Византии полна ужасов беззаконий, и царский двор по жестокости мог поспорить с вертепом разбойников, и в этот день в храме стояли не только праведники.

Марина Сиротина. «Богородица "Утоли моя печали"» — икона из иконостаса Елизаветинского храма г. Королева Московской области (фрагмент)

Царица Небесная простирает Свой покров над всеми. Можно было собрать только непорочных и аскетов, логичнее было бы заступиться за людей святых или, хотя бы, приличных. Матерь Божия жалеет всех и добра желает каждому, пусть он и последний злодей.

Найдется ли смелый художник, который дополнит икону Покрова фигурами Пилата, Иуды, римских насмешников и иудейских истязателей, за которых – я верю и знаю! – воистину по-матерински болело сердце Царицы Небесной? А ведь это и есть тот беспредельный предел доброты, к которому и призывает нас Евангелие.

Богоматерь – первый апостол доброты, первый свидетель милосердия! Поэтому не случайно силуэт Богоматери, простирающей Свой покров над людьми, так напоминает Крест. Верность Христу – это верность пути доброты и милосердия ко всякому человеку. Верность до смерти.

– Нет, это нечто неуместное! Какое-то неслыханное юродство и безумие! Как можно не только прощать убийц сына, но и от всего сердца желать им добра, искренне сочувствовать их утратам?

– Но это и есть учение Христа. У христиан нет права на ненависть. Поэтому самая простая версия христианского служения – приумножай доброту в мире, а, если не можешь, хотя бы не умножай зло на земле, так тоскующей по доброте и нежности.

(pravmir.ru)

Музей Александра Меня меняет прописку

Правительство Российской Федерации поддержало инициативу Фонда имени протоиерея Александра Меня о размещении экспозиции, посвященной жизни, творчеству и богословскому наследию отца Александра, в Москве во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино (ВГБИЛ).

Как отмечено в соответствующем правительственном документе, это решение обусловлено огромным интересом к наследию протоиерея Александра Меня. На сегодняшний день интерес к экспозиции перерастает масштаб районного значения, и ее размещение в Москве создаст условия для более массового ознакомления граждан с наследием отца Александра.

Ходатайство Фонда поддержано правительством, дано поручение о переводе экспозиции в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино.

«Перевод экспозиции именно в эту федеральную государственную библиотеку, – говорится в документе, – связан с тем, что деятельность отца Александра при жизни была связана с этим учреждением. Там проходили его лекции и другие публичные мероприятия. А после трагической гибели священника в библиотеке ежегодно проводятся конференции, посвященные его памяти, имеющие значительный культурный и международный резонанс.

При этом жители и гости Сергиев Посада, кому интересно богословское наследие протоиерея Александра Меня, смогут посещать мемориальный кабинет в доме, где долгое время жил отец Александр».

В свою очередь, Гуманитарно-благотворительный фонд имени протоиерея Александра Меня в Сергиевом Посаде сосредоточит свою деятельность

на развитии этого мемориального кабинета и повышении его доступности для посещения паломниками и туристами. И, кроме того, продолжит оказание поддержки храму преподобного Сергия Радонежского, построенного на месте трагической гибели священника.

Открытие новой экспозиции в ВГБИЛ состоится 22 января 2019 г., в день рождения протоиерея Александра Меня.

Волжские берега Александра Меня

9 сентября в городе Волжский (Волгоградская обл.) прошли очередные, IX Меньевские чтения. Мы не раз о них писали. Их инициатор и неизменный ведущий – Владимир Борисович Крячко, доцент, преподаватель местного Политехнического института, кандидат филологических наук.

Чтения были организованы в форме открытого семинара, посвященного памяти протоиерея Александра Меня, и состоялись в Центральной библиотеке города. Гости семинара стали ученики воскресной школы прихода Иоанна Богослова.

Собравшиеся вначале увидели фильм об о. Александре – «Слово о Библии».

Затем на тему «Церковь и мы» выступил В. Крячко. Он говорил о том, что значит «Церковь – собрание верных», что такое «спасение» и от чего нужно спасаться, как жить во Христе, какое значение имеет в жизни христианина Евангелие...

О биографии о. Александра рассказал С. Фрибус.

Он ознакомил участников семинара с интересными фактами из жизни протоиерея, ответил на вопросы.

Своими комментариями к книге «Сын человеческий» поделилась Т. Концевич. После чего прошло обсуждение этого, по ее словам, «самого главного труда отца Александра». Ведь «это до сих пор одна из лучших книг для знакомства с Новым Заветом не только для христиан, но и для людей других вер, агностиков и атеистов. Этот труд отца Александра известен сегодня миллионам читателей, говорящих на сорока разных языках». В ходе обсуждения участники обменялись впечатлениями и мыслями, которые у них вызвало прочтение «Сына человеческого».

В завершение этой части программы перед собравшимися выступил иерей о. Георгий (Воронов), настоятель Храма Св. Алексия (Мечева).

Дискуссионную часть, которая прошла очень живо, предваряли вопросы, заданные аудитории. Не просто интересные, но весьма значимые, уместно их здесь воспроизвести: «1. Вы слышали об отце Александре до сегодняшней встречи (Да, Нет)? 2. Вы согласны с утверждением о. Александра о том, что «неверующих людей не бывает»? 3. Есть ли противоречия между наукой и религией (Да, Нет)? 4. Дискредитирована ли церковь сегодня? Если да, то почему? 5. Вы согласны с тем, что если бы отец Александр был жив сегодня, то мы бы жили в другой России (Да, Нет, Не знаю)? 6. Назовите слово-ассоциат, которое приходит Вам на ум, когда Вы слышите имя о. Александра Меня. 7. Считаете ли Вы отца Александра Свидетелем Христовым (Да, Нет, Не знаю)?»

Благодаря мультимедийным средствам и современному техническому оснащению сотрудники Центральной библиотеки подготовили интересную слайд-презентацию, в которую включили фотографии о. Александра, не известные прежде, а также фото его многочисленных трудов, созданных за недолгую жизнь.

Интересны итоги, которые подвел по окончании Чтений их организатор и ведущий Владимир Крячко.

«1. В отличие от прошлых лет почти все присутствующие (и все участвующие в опросе) слышали об отце Александре и в какой-то мере уже знакомы с ним. К сожалению, это знакомство не всегда можно назвать доброжелательным. Главной причиной этой недоброжелательности является, на мой взгляд, с одной стороны, атмосфера нетерпимости и несвободы в среде пасущих, а с другой, дух антисемитизма и невежества, порождающий множество страхов в среде пасомых. Открытый и честный взгляд на свое христианство не приветствуется. Смотреть на Христа и мерять себя по Нему сегодня небезопасно, если не сказать больше. Люди уходят от доверительного разговора и предпочитают слово «православный» в ущерб «христианину». Сегодня оно надежнее, а точнее сказать, безопаснее.

Люди уходят от Евангелия, продолжают не знать Его, как и в дореволюционной России. Об этом говорит мой небольшой опыт Евангельских чтений, проводимых в приходе в 2016–2017 гг. Это не случайно. Все-таки люди чувствуют, именно чувствуют, что в Евангелие заложена огромная сила, скрытая энергия, подвигающая к поступку, способная изменить внутренний мир, перевернуть его. Они могут не осознавать это, предпочитая оставаться темными, но не чувствовать не могут. Не случайно отец Александр

называл Евангелие самой антисоветской книгой (по свидетельству А. И. Зорина). Люди боятся изменений, боятся поступка, оставаясь по своей сути советскими гражданами. В этом смысле ничего существенного между СССР и новой Россией за эти годы не произошло: страхи остались прежними.

2. Мнение отца Александра по поводу того, что неверующих людей нет, разделили 85% слушателей.

3. Противоречия между наукой и религией признали 69% слушателей, не признали – 15%, остальные 16% не ответили на этот вопрос.

4. Более ровно, «теплохладно» относятся к церкви. 31% опрошенных согласны с тем, что она сегодня дискредитирована, 38% думают, что это не так, 31% не высказались.

5. Подавляющее большинство слушателей (62%) не связывают иную, лучшую долю для России, с именем отца Александра, ответ – «не знаю». 23% отрицают его вклад в спасение России (ответив «нет»).

И только 15% убеждены, что будь о. Александр сейчас жив, это бы благотворно отразилось на судьбе нашей страны.

6. Тем не менее, почти все участники семинара оценивают деятельность отца Александра положительно и связывают его имя с позитивом (77%, остальные не высказались). Наиболее упоминаемое слово-ассоциат – *проповедник, проповедник Христа, Церкви*. Другие ассоциаты: *светлый, миссионер, Друг и Учитель, богослов, Библия*.

7. Видимо, не случайно подавляющее большинство присутствующих назвали отца Александра Меня Свидетелем Христовым (54%). На фоне «незнающих» (38%) это обнадеживающий показатель.

Приведу социальный состав участников дискуссии: студенты – около 30%, пенсионеры – чуть больше 70%».

Как было отмечено в ходе семинара, отец Александр Мень сделал очень много важного и хорошего. Люди любили его за духовную открытость и общительность, он был отличным собеседником, умел внимательно выслушать и дать дельный совет каждому, кто стучался в двери его дома и храма.

Меневские чтения в городе Волжском дают его жителям уникальную возможность приобщиться к исключительной личности отца Александра, упомянуть его добрым словом и поблагодарить за его труды.

Татьяна К.

Встреча с архимандритом Саввой

19 сентября в Христианском культурном центре состоялась встреча с архимандритом Саввой (Мажуко), автором популярных книг «Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста», «Любовь и пустота. Записки монаха», «На руках у Бога. О радости быть христианином», «Неизбежность Пасхи. Великопостные письма».

В этой встрече, которая прошла очень интересно и содержательно, приняли участие и многие прихожане нашего храма.

Женевьев, у истоков Тэзе...

В прошлом номере ПГ была опубликована статья Ольги Ерохиной о том, как братья из христианской общины Примирения в бургундской деревне Тэзе (Франция) спасали о. Александра Меня от ареста КГБ. Сегодня Ольга рассказывает о своих встречах с основателем общины братом Роже и его сестрой – героической женщиной по имени Женевьев. Она в начале 40-х (время немецкой оккупации) помогла ему укрывать беженцев и евреев...

«**В**сего хуже было, если они говорили по-французски. Это действительно было опасно. А если заговаривали по-немецки – это могли быть просто расквартированные в деревне, и их не обязательно должно было интересовать, кто есть в доме. Ну вот, я шла открывать – но сначала смотрела в форточку, кто там у калитки. Те, кто тут были, успевали укрыться, пока я шла, медленно шла, чтобы дать им такую возможность. Укрывались либо в погребе, либо уходили через черный ход в лес. Если появлялись французы из муниципальной полиции или немцы, приходилось их впускать в дом, и они осматривали – везде, везде. Искали евреев. А у нас был условный знак – занавеска на окне. Если занавеска задернута – значит, возвращаться опасно, а если задернута – значит, все, они ушли, и можно из лесу идти домой. Как-то раз я забыла задернуть занавеску, и мои бедные

жители до вечера оставались в лесу, пока я не вспомнила...»

В этом доме время остановилось или было в таком состоянии, как в 40-м году, тот же состав воздуха. Хотя каждую четверть часа большие часы с маятником напоминали о том, что время имеет движение...

Брат Роже длинными щипцами бросает угли в жерло очага... Вечный чай в 4.45 на круглом столе... «Я боялась – но я не боялась».

Она рассказывает, как в одном из залов слушала игру русского композитора. Позвольте, дайте вспомнить... о, да, Рахманинов!

Ей было тогда 27 лет, шла война. Брат позвал ее сюда, в глухую бургундскую деревню, и она приехала, просто чтобы он был не один. Брат был двумя годами младше, они дружили всю жизнь, с детства. В семье было еще 6 сестер и брат, все старше Роже и Женевьев. Они приехали сюда, в страну, где шла война и большая

часть которой была оккупирована, из своей страны, Швейцарии, где войны не было и шла нормальная жизнь. Роже занимался литературным творчеством и богословием, Женевьев – музыкой, она была блестящей пианисткой, закончила консерваторию. Оба участвовали в собраниях молодежной Grande Communaute при соборе в Женеве. Роже к тому времени пережил опыт близости смерти – это была тяжелая болезнь легких. Выжил – и ему не давало покоя чувство, что пора действовать. У него довольно уже было времени подумать, пока был прикован к постели. Действовать – значит идти навстречу беде. Идти туда, где откровенно торжествует зло, чтобы вступить с ним в поединок. Оружие – молитва. Молитва о примирении христиан.

Идея принадлежала бабушке, которую в семье называли святой. Во время первой мировой войны она рисковала жизнью, укрывая

беженцев. Дети запомнили ее слова: «Христиане убивают друг друга по всей Европе. Надо им помирииться!» В знак примирения христиан она, происходя из протестантского рода со времен Реформации, стала посещать католическую церковь.

На велосипеде Роже добрался до деревни Тэзе, где думал перекусить и продолжить путь. У колодца встретил пожилую женщину, спросил – можно ли тут где-нибудь поесть? Нет, сказала она, у нас тут нет ни кафе, ни ресторана – и пригласила поужинать к себе в дом. За столом Роже рассказал о своей идее найти место, где он мог бы молиться о мире. Быть может, в Клюни...

жить в доме напротив, и у нее тоже скрывались евреи.

«Однажды ночью, – говорит через много лет брат Роже, – меня охватил страх, как будто надвигалась беда. Я сел на кровати. Я вдруг почувствовал, что нас всех могут

Она вырастила 18 мальчиков-сирот. Рассказывала нам всякие истории.

«Однажды все мальчики были тут, кроме одного. Ночью я искала его везде – в лесу, на берегу реки. Когда вернулась, смотрю – он в своей кровати!.. А как-то раз мальчики надо мной подшутили. Мой велосипед исчез. Искала я его, искала, поднимаю голову – а он на дереве среди ветвей».

Есть фотография: двор романской церкви, зонтики, зонтики. Пасха, и церковь не вмещает всех. В Тэзе все больше приезжает народу, молодежь. Поначалу, когда это совсем уже перестало быть похожим на монастырь, братья думали переместиться еще куда-то подальше, в глушь. А потом поняли, что это и есть их призвание: принимать молодых людей, прежде всего – слушать...

На Пасху приезжало много народу – вначале письмом извещая о приезде, запрашивая ночлег. На Пасху 1965 года было очень много писем. Так много, что ясно было: новая церковь не вместит всех, кто собирался приехать. Братья решили, что придется разобрать стену церкви, чтобы ее расширить и принять всех. Только брат Алан был против. На этой стене были витражи, и солнце, проходя сквозь цветные стекла, наполняло церковь необыкновенным светом...

А письма все шли и шли. И однажды брат Алан пришел к брату

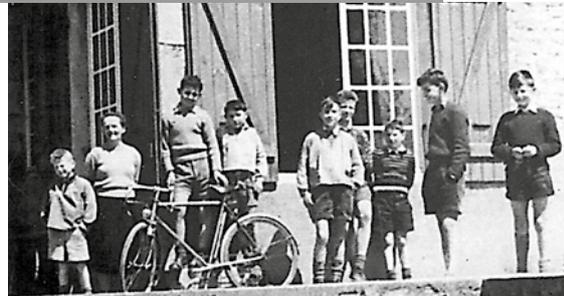
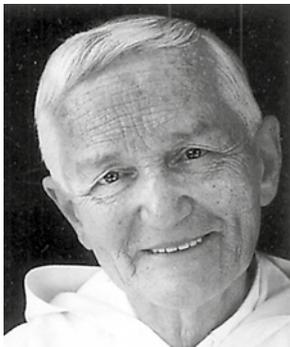
Роже: «Нет, невозможно отказывать никому. Будем разбирать стену!»... И церковь расширялась – еще и еще, и еще...

Я никогда не слышала, как Женевьев играет. Но ее рояль был всегда раскрыт, стояли ноты. Заглянула – хорошо темперированный клавир Баха. Спросила, а как же музыка? Ведь она хотела себя посвятить музыке. «Ну, я играла, конечно – так, для ребятишек...»

Ольга Ерохина

НА СНИМКАХ:

Женевьев; Роже; Женевьев и дети, в том числе ее воспитанники.

И тут Мари-Обеф (так ее звали) говорит: «Оставайтесь здесь. Нам так одиноко – особенно зимой».

Молодой человек почувствовал, что Бог говорит словами этой старой женщины. И он остался.

Это была глухая деревня. Многие жители покинули ее уже давно – из-за болезни, поразившей виноградники. В мэрии ему указали на заброшенный дом, дали ключ.

«Невозможно было устроиться хуже, – вспоминает Роже. – Ни дорог, ни телефона, ни водопровода. Старый дом требовал ремонта. Я жил один. Уходил молиться в лес».

В Лионе люди делали невозможное, чтобы переправить сюда беженцев. В доме стали появляться те, кто ушел от гестапо. Он не давал вопросов.

Их становилось все больше. Он купил козу – кормить своих постояльцев. Научился доить. На мельнице покупал по дешевке кукурузную муку, варил похлебку.

Женевьев получила к тому времени диплом об окончании консерватории. Приехав в Тэзе, стала

куда-то увезти. Тогда мы еще не знали о существовании концлагерей. Куда-то на север... Я стал молиться. Господи, может быть, моя жизнь скоро прервется здесь на земле. Пусть так. Но пусть то, что здесь началось, продолжится... На следующий день я переправил своих постояльцев через границу, к себе в Женеву».

А еще через день пришло гестапо. Но дом был уже пуст.

В 44-м году, после освобождения Франции, он вернулся в Тэзе – но уже не один, а с двумя первыми братьями. В мэрии ему дали ключ от церкви, которая была закрыта много лет.

К Женевьев приводили сирот, которых много стало в то время.

Колонка Михаила Завалова

Пустота и рождение общины

Когда двое и больше людей, которые вместе живут или регулярно видятся, впервые делают неизбежное открытие: «Мы разные», – это обычно никого не радует. «Любовь кончилась, непонятно, зачем мы вместе». Одна из типичных реакций на *другость* другого человека – попытка его изменить. Этим тщетным делом занимаются люди в парах, семьях, общинах и народах. Изменить другого обычно не удастся, но это стремление порождает хаос – бессмысленный и беспощадный. Всем плохо, все стараются, а выхода нет.

Иными словами, люди открыли, что они разные, но еще не знают, что с этим делать. Кроме того, они реально страдают, а это хороший мотив двигаться дальше. Но нужно ли вообще страдать, особенно если это не брак, а мучительная группа?

Да, тут кто-то может уйти, громко хлопнув дверью или как можно незаметнее, но тогда он рискует так и не узнать про другие возможности.

Чтобы избавиться от хаоса, группа может попытаться усиленно организовывать свою жизнь: вводить жесткие правила, уставы, рамки. Порой подобные вещи нужны, но они подмораживают отношения, сдерживают их развитие. Допустим, кто-то говорит: «Пусть отныне каждый высказывается

по три минуты, мы принесем песочные часы», – просто потому, что один из членов группы говорит слишком долго. Это легкое решение, позволяющее избежать конфликта (то есть хаоса), но я сомневаюсь в том, что оно самое мудрое в данной ситуации.

Есть только один мост от хаоса к настоящей общине, говорит Скотт Пек (*американский психиатр и публицист. – Ред.*): **пустота**. Чтобы двигаться вперед, каждому надо сознательно **опустошить себя** ото всего, что мешает встрече с этими конкретными людьми. Пустота хаоса, *тоху ва-воху* («безвидна и пуста») 1-й главы Бытия, может стать началом чего-то нового.

Услышав предложение «опустошить себя», люди обычно пожимают плечами («что значит сия нелепца?»), но интуитивно чувствуют беспокойство. Да, это метафора, вполне библейская, близкая к «отречься от себя» или даже «умереть». Но на самом деле мы все это постоянно делаем. Скажем, без умения опустошить себя мы просто не сможем реально слушать других.

Когда кто-то говорит мне о важных событиях, о своей боли или радости, масса вещей внутри меня мешает мне хотя бы просто присутствовать, быть с человеком. Чтобы слушать, недостаточно замолчать и не глядеть в телефон. Я думаю о своих желаниях, тревогах, нуждах. Или откуда-то внезапно приходит мысль: «У меня совсем нет времени». Либо я обдумываю свою мудрую реплику, свой действенный совет – за этим стоит все то же навязчивое стремление решать чужие проблемы (то есть менять другого). А еще у меня уже есть заранее готовый образ собеседника: я знаю, чего от него ждать.

Если я хочу его услышать, мне надо опустошить себя – насколько я могу – ото всех подобных вещей. Дать его голосу звучать во мне. Или – если взять другой образ – дать ему пространство во мне, пустую комнату, где он может побыть, впустить его в себя. Слушать по-настоящему – это сродни гостеприимству.

Подозреваю, что подобное происходит на молитве – те же самые вещи мешают нам услышать Другого. Так что это важнейшая дисциплина жизни: опустошить себя и дать место другому – для всех людей, независимо от того, во что они верят или не верят.

Конечно, для меня, считающего себя учеником Иисуса, тут есть и еще кое-что. В Послании к Филиппийцам 2 есть гимн, где Павел рассказывает о пути Мессии вниз и Его славе: Он не воспользовался тем, что равен Богу, для Себя, но *опустошил Себя* [2:7; так мы вправе перевести глагол ἐκένωσεν] и умер самой позорной смертью. И не менее интересно, где именно и по какому поводу Павел пересказывает нашу главную историю. Непосредственно до этого он обращается к общине, призывая ее к единству, и говорит: вот вам пример, образец, который такое единство строит.

Освободить в себе место Учителю

О личном и общем во время выездной конференции прихода с 5 по 7 октября

Все знают, как трудно собирать себя после летней расслабленности, невольных поблажек, которые ты даешь себе, когда тепло, солнечно, ярко и все вокруг отдыхают. Кажется, лето на то и дано нам. Поэтому так важны наши осенние приходские выезды – это как бы концентрация наших общих усилий. Откуда никогда не возвращаешься без плода.

Так и на этот раз для меня. Первая встреча вечером в пятницу обычно начинается с фильма. На этот раз это был фильм о Смоктуновском, точнее, он сам рассказывал о своей жизни, описанной в его книге «Быть». Он меня потряс. Захотелось прочесть эту книгу.

Действительно, «быть» в этой земной жизни – это быть с Христом, быть с Любовью. Иногда нам кажется, что этот путь выбирается неосознанно. Но это действует Бог. По-разному. Например, через молитвы других людей за тебя. Так маленький мальчик (Кеша Смоктуновский) по поручению тетки все-таки донес немалые деньги до церкви, хотя было у него сильное искушение потратить их на себя, и никто бы не узнал. И Бог явно его вел по молитвам его тети. А дальше этот выбор всегда ведет тебя по жизни.

У нас всегда есть выбор, и надо делать выбор, достойный Любви – Любви Христа. И вот тогда мы идем к себе, к тому самому лучшему себе, каким задумал каждого из нас Бог. Часто этот путь опасен, может принести тебе страдания или житей-

ские трудности. Не надо бояться. И Смоктуновский сделал этот выбор, который определил его жизнь, его главное дело, профессию.

Это и есть БЫТЬ: БЫТЬ – значит БЫТЬ ЛЮБОВЬЮ.

Следующее взбадривающее впечатление – доклад о. Иоанна Гуайты.

Как часто, читая Библию, мы ставим вопросы, а потом долго ищем ответы вне ее. И тут нам было показано, как сам текст Писания дает ответы. Надо просто уметь работать с текстом, быть предельно внимательным, ведь этот текст – слова Бога, обращенные к тебе.

О.Иоанн просто – как бы цветом – выделяет в Писании слова, относящиеся к определенному смыслу. И вот на наших глазах строки оживают и ведут диалог друг с другом. Одни строки говорят о том, что Иисус кроткий, любящий, утешающий. Другие, что Иисус – Учитель, который требует полной веры. Иногда это требование кажется грозным и жестким. А для нас это выливается в мысль, что быть учеником – это принять Его и как любящего Отца и друга, и как господина. Мы поворачиваемся к Учителю, мы учимся вниманию, мы учимся читать, слушать и действовать.

Эта мысль для меня была развитая в семинаре «Учиться – это изменять себя. Называя себя учеником, позволяю ли я Богу меня менять?», который вела Марина Филоник. Теперь она просто пронзила меня: ученик должен жить с Учителем, думать, как Он, а для этого надо

освободить Ему место в себе, сделать усилие освобождения. И придет радость подчинения Ему. Вот этого усилия я почему-то никогда и не делаю. Теперь постараюсь.

И наконец, малая группа у Анны Маянц. Перед нами важный и трудный вопрос – кто я? Хочу ли понять, что обо мне задумал Господь? Я редко думаю об этом главным вопросом. Кто я для Христа? Какие у нас с ним отношения? Чувствую себя часто плохой ученицей, которая крутится и отвлекается, и даже часто пропускает занятия, уходит от диалога. И потому не может усвоить уроки.

И тут, на конференции, в группе мы все задумались: кто мы для Бога, что у нас получается, а что не очень?

Кто-то сказал, что вдруг понял, что его талант – это мирить других, для другого – это молитва, для третьего – чтение Слова. Это было откровение. Я тоже осознала свой талант и поняла, что я его не развиваю, мало употребляю – видимо, даже зарываю. И загорелось желание – развивать свой талант. И это значит, что есть результат! Было, о чем молиться, за что благодарить и славить Бога!

Надо чаще думать и анализировать себя вместе с Богом. И наша реколлеция этому учит.

Спасибо огромное всем организаторам. Это очень важное дело.

Помогает собирать себя.

Татьяна Кирсанова

«Когда я вернусь...»

Встреча памяти А. Меня и А. Галича

19 октября исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Аркадьевича Галича – поэта, сценариста, драматурга, прозаика, автора и исполнителя собственных песен.

А. Галич об о. А. Мене:

...Где-то в конце 60-х годов меня заинтересовала литература философского и религиозного содержания. Я жадно читал все, что можно было достать, и вот среди самиздательской литературы этого толка мне попала работа священника отца Александра (называть его фамилию я не буду, знающий догадается, для незнающих фамилия не имеет значения). И когда я читал работы этого отца Александра, мне показалось, что это не просто необыкновенно умный и талантливый человек, это человек, обладающий тем качеством, которое писатель Тынянов называл «качеством присутствия».

Я читал, допустим, его рассказ о жизни пророка Исаяи и поражаюсь тому, как он пишет об этом. Пишет не как историк, а пишет как свидетель, как соучастник. Он был там, в те времена, в тех городах, в которых проповедовал Исаяи. Он слышал его, он шел рядом с ним по улице. И вот это удивительное «качество присутствия», редкое качество для историка и писателя, и необыкновенно дорогое, оно отличало все работы этого священника отца Александра.

Тогда я в один прекрасный день решил просто поехать и посмотреть на него...

Я простоял службу, прослушал проповедь, а потом вместе со всеми молящимися я пошел целовать крест. И вот тут-то случилось маленькое чудо. Может быть, я тут немножко преувеличиваю, может быть, чуда и не было никакого, но мне в глубине души хочется думать, что все-таки это было чудом.

Я подошел, наклонился, поцеловал крест. Отец Александр положил руку мне на плечо и сказал: «Здравствуйте Александр Аркадьевич. Я ведь вас так давно жду. Как хорошо, что вы приехали». Я повторяю, что, может быть, чуда и не было. Я знаю, что он интересовался моими стихами. Но где-то в глубине души до сегодняшнего дня мне по-прежнему хочется верить в то, что это было немножко чудом.

Я подошел, наклонился, поцеловал крест. Отец Александр положил руку мне на плечо и сказал: «Здравствуйте Александр Аркадьевич. Я ведь вас так давно жду. Как хорошо, что вы приехали». Я повторяю, что, может быть, чуда и не было. Я знаю, что он интересовался моими стихами. Но где-то в глубине души до сегодняшнего дня мне по-прежнему хочется верить в то, что это было немножко чудом.

(5 июня 1976 г., из радиопередачи)

Галич – это целая эпоха, в самые глухие брежневские годы его голос звучал в домах – в записях и живьем. Цитаты из песен были как пароль, как знак доверия и надежды.

Когда я вернусь,
Я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах уютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моем.
Когда я вернусь...

И мы знаем этот единственный дом – храм Сретения в Новой Деревне. Отец Александр Мень крестил Александра Галича.

Его вынудили уехать из страны – голос становился слишком слышимым. Голос человека, который не мог молчать. И вот – как возвращение, как связь с дорогими людьми, – встреча, ему и отцу Александру посвященная. Она состоялась 13 октября. Историк и философ Олег Устинов поделился с прихожанами, которые заполнили конференц-зал нашего храма, уникальными свидетельствами дочери Галича, Алёны, о его жизни и смерти. Несколько раз зал ахал – настолько ново и неожиданно было услышанное...

Ольга Ерохина

о. А. Мень об А. Галиче:

Конечно, как и многие, я не раз слышал записи его песен, поразительных, с такой точностью передающих дух и настроение тех лет. Голос Галича казался мне прорывом из глухого молчания. Но молчания многозначительного. Я верил, что под ледяной коркой зимы все еще текут живые струи. Уж если сталинщина не могла полностью иссушить эту реку, то тем более — потом... Галич говорил и пел о том, о чем шептались, что многие уже хорошо знали. Он блестяще владел городским полуинтеллигентским и полублатным жаргоном, воплощаясь то в героев, то в антигероев нашего времени. Мне он казался своего рода мифом, собирательным образом, каким казался в начале 60-х Окуджава, хотя мне было известно, что это вполне реальные люди. Окуджава пел о простом, человеческом, душевном после долгого господства казенных фраз. Галич изобразил в лицах, в целой галерее лиц, портрет нашей трагической эпохи. Поэтому мне показалось странным, почти невероятным, что я мог увидеть его, словно это был оживший символ, который трудно себе представить в виде одного конкретного человека.

Я увидел его сразу, когда он, такой заметный, высокий, появился на пороге церкви. Он пришел с нашим

общим знакомым, композитором Николаем Каретниковым. Не помню сейчас (прошло уж больше 15 лет), уславливались ли мы заранее, но я узнал его сразу, хотя фотографий не видел. Узнал не без удивления. Знаете, читатель часто отождествляет писателя с его героями. Так вот, для меня Александр Аркадьевич жил в его персонажах, покаленных, униженных, протестующих, с их захватывающей бравадой и болью. А передо мной был человек почти величественный, красивый, барственный. Оказалось, что записи искажали его густой баритон. Мне он сразу показался близким, напомнил мою родню — высоченных дядек, которые шутя кололи грецкие орехи ладонью. Это был артист — в высоком смысле этого слова. Потом я убедился, что его песни неотделимы от блестящей игры. Как жаль, что осталось мало кинокадров... Текст, магнитозаписи не могут всего передать. И в первом же разговоре я ощутил, что его «изгойство» стало для поэта не маской, не позой, а огромной школой души. Быть может, без этого мы не имели бы Галича — такого, каким он был.

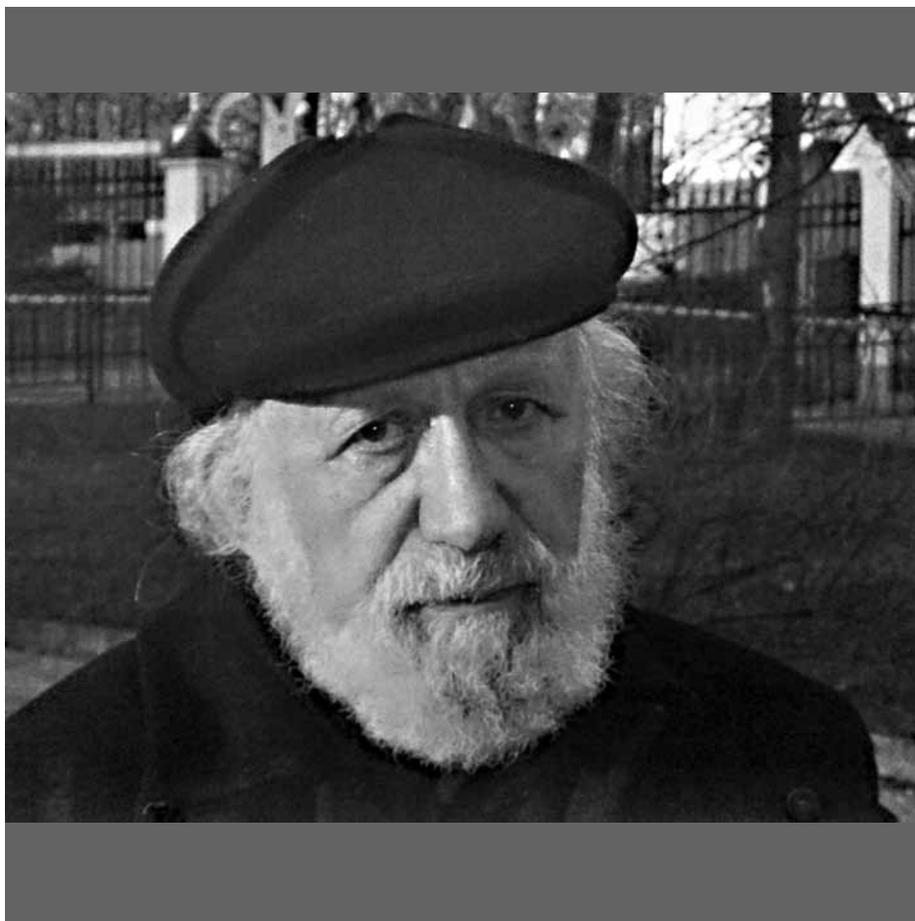
(Еще на эту тему см. в рубрике «Священное Писание и поэт»)

Наш Феликс

30 сентября скончался Феликс Семенович Крайко, доктор-кардиолог, врач и друг о. Александра Менья. Он спас жизни многих наших прихожан, вел бесплатный прием в храме Космы и Дамиана, а в последние годы — в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Красном Селе.

Отпевали Феликса Семеновича Крайко — врача милостью Божией! Я смотрела на его красивое скульптурное лицо и благодарила Бога за подаренные мне три года общения с этим доктором. Конечно, грустно от завершившегося земного общения с этим последним из могикан земского врачевания. Где в нашем безумном мире, с процветающей в

нем страстью к обогащению, живут вот такие, не от мира сего, которые врачуют бесплатно или за символическую плату, без усталости, до конца дней своих, как мечтал и он сам?! Мы, его прихожане (как-то не хочется говорить – пациенты), осиротели, потеряли компас. Это естественно. Но ни сознание, ни сердце не воспринимает его отсутствия. Этот самоотверженный человек, сотворивший столько добра людям, продолжает светить на земле, и светом его полнится сердце.

Я написала «наш Феликс», но на самом деле у каждого, кто его знал и у него лечился, есть, наверное, свой его образ. У меня тоже есть «мой» Феликс, с которым три года, раз в месяц, мы встречались в его домашнем рабочем кабинете в Беляево. Он принял меня после курьезного моего попадания с аритмией в реанимацию. Понятно, что уже нельзя было предаваться легкомысленному бегу по жизни, а пора было «остановиться, оглянуться». И я оглянулась! А там, добрым ходатайством друзей по храму, возник доктор Феликс Семенович, к которому, по слухам, надо было полгода жить в очереди. Но это были лишь слухи...

Весь его облик, на первый взгляд, напоминал мудрого доброго гнома. Правда, этого добряка можно было вывести из себя. Уж очень он не любил, когда выяснялось, что кто-то из его больных посетителей параллельно пользуется советами прочих докторов. Еще переживал, когда с кем-ни-

будь из пациентов «ссорился». Иногда я попадала после таких его телефонных переговоров или встреч с ними, и он еще не мог остыть от гнева. Но потом переключался и вел очередной прием внимательно и сосредоточенно.

Меня поражало все, начиная с прихожей. Ничего лишнего! Крохотная квартира-кабинет с иконостасными стенами и книгами. Это настраивало на такой мир и покой, что казалось: кардиограмма, снимаемая, когда ты лежишь и смотришь на иконы, ну просто не может быть «плохой»! Удивлял (по сравнению с врачами-кардиологами в поликлиниках, даже платных) его осмотр, начинавшийся с «покажите язык». У нас ведь как: пришел с сердцем, пошлют на ЭКГ, и привет. А Феликс еще и печень проверит, а прослушивание и замер давления – само собой. Интуиция врача – тоже не последнее дело. И укладывался визит в 30 минут.

Самое главное, лекарства подбирал искусно и профессионально, имея два образования: и медицинское, и фармацевтическое. А начинал Феликс Семенович судовым врачом, и я поняла, откуда у него страсть к идеальному, флотскому порядку.

Насколько я понимаю, он любил все красивое, гармоничное. Об этом говорит и убранство квартиры, и его всегдашний, можно сказать, парадный вид с непременно шапочкой на голове. Он и в пришедшем замечал какие-то внешние атрибуты: то «французскую» прическу отметит, то краси-

вую куртку. Еще и галантно подаст, провожая, если в прихожей уже не ждал очередной посетитель. Это не мешало ему разбурчаться: «Ну, зачем опять далеко лететь!» – когда я приходила на прием и консультацию перед очередным паломничеством. Но три с половиной года он своими назначениями давал мне возможность безмятежно забывать о своем сердечном моторе, однажды затормозившем мою «охоту к перемене мест» и энергию движения. И я бесконечно признательна и благодарна Феликсу Семеновичу. Коленопреклоняюсь перед его жизнью, его бескорыстным, христианским, служением ближнему до последних дней!

В день отпевания я получила – в рассылке «Мысли на этот день» – слова (цитата из книги «Ради счастья Моих детей, которых Я избрал. Иисус» Леандра Лашанса): «То, как ты реагируешь на горе или радость, позволяет тебе увидеть: поступал ли ты как человек веры или как мирской человек. Если ты видишь, что действовал в вере, то воздай должное Отцу: прославь и возблагодари Его за оказанную тебе великую милость – стать свидетелем того, как через тебя действует Он».

Когда отпевают таких светлых людей, свет заполняет сердце, и ты понимаешь, что это Свет Христов!

Вечная и святая память!

Светлана Лукьянова

Врач моего сердца

Над городом моим стоял тяжелый дым. Ночью накатило удушье. Еще подумалось: вот так и умирают. На расвете мой друг отец Михаил с матушкой Анной отвезли меня в прославленный кардиологический центр.

Медики изучали меня с ног до головы, сканировали, запикивали в какую-то трубу. Предложили вы-

сокотехнологичную операцию: надрезается пах, в вену запускается катетер, добирается до правого предсердия и убирает там все лишнее. Потом – до левого и выжигает остальное. «Если операция будет успешной...» – сказала докторица. Искоркой мелькнуло: «А если неуспешной?..»

Но стал готовиться: разжижать кровь научными зельями, измерять давление, записывать в тет-

радку, сколько выпил воды за сутки, сколько выпустил из себя.

Павел, мой друг и коллега, усомнился: «Там нашу сотрудицу дважды резали и все без толку. Содрали кучу денег. Предлагают третий раз... Советую не торопиться. – А что же делать? – Идите к Феликсу Семеновичу. Он лекарствами вылечивает. Ступайте в воскресенье прямо в храм. Он обязательно примет».

И вот я у доброго доктора. Видом он — Николай Угодник и Сергей Радонежский в одном лице. И на о. Сергия Желудкова похож. Маленький, крепкий, с небесными глазами. На голове врача скуфья — повседневный головной убор православных духовных лиц всех степеней и званий.

Ученым собратям сокрушенно подивился: «Надо человека лечить, а не изучать». Послушал меня, посмотрел и заявил с игуменской прямоотой: «Владимир Петрович, надо в больницу. Я тут бессилён. У вас сердцебиение и мерцательная аритмия. Моими средствами вас не спасти. И поезжайте сейчас же прямо домой». Почуял: собираюсь двинуть по делам. Но я послушался.

А он через час домой звонит. Да не меня зовет, а Раису, жену: «Вызывайте скорую», — настойчиво и твердо. Вызвали. Увезли.

В больнице тоже начали готовить к операции, но уже другой: на груди моей решили произвести электрический разряд и усмирить тем самым аритмию.

Морг был напротив — вековое здание обветренного темного кирпича. Я бродил вокруг него после капельницы и осмотра.

В первый же день в мою палату привезли двоих из реанимации — после такого же электрошока. Один мужик постоянно ходил под себя, а по ночам зычно призывал бабу — не для совокупления, а санитарку-уборщицу. Другой, бывший научный работник, все дни молчал, как овощ, и лупил глазами, как рязанский гриб.

Сердцебиение мое вернулось к норме. А от разряда я мягко, но твердо отказался. И снова к Феликсу Семеновичу.

Услышав о маразматике-соседе, доктор сказал: «Я такой разряд много раз делал. Но надо сперва разжижить кровь, нельзя сразу. А у него образовались тромбы и забились мозги».

В давние, советские еще времена в «Комсомолке» был напечатан очерк «Подвиг врача». Феликс Крайко служил тогда судовым врачом на рыболовецком флоте. Было это в Тихом океане на Камчатке. Одна из обработчиц рыбы на морозильном траулере затеяла рожать. Доктор Крайко не акушер, но роды принял. Капитан,

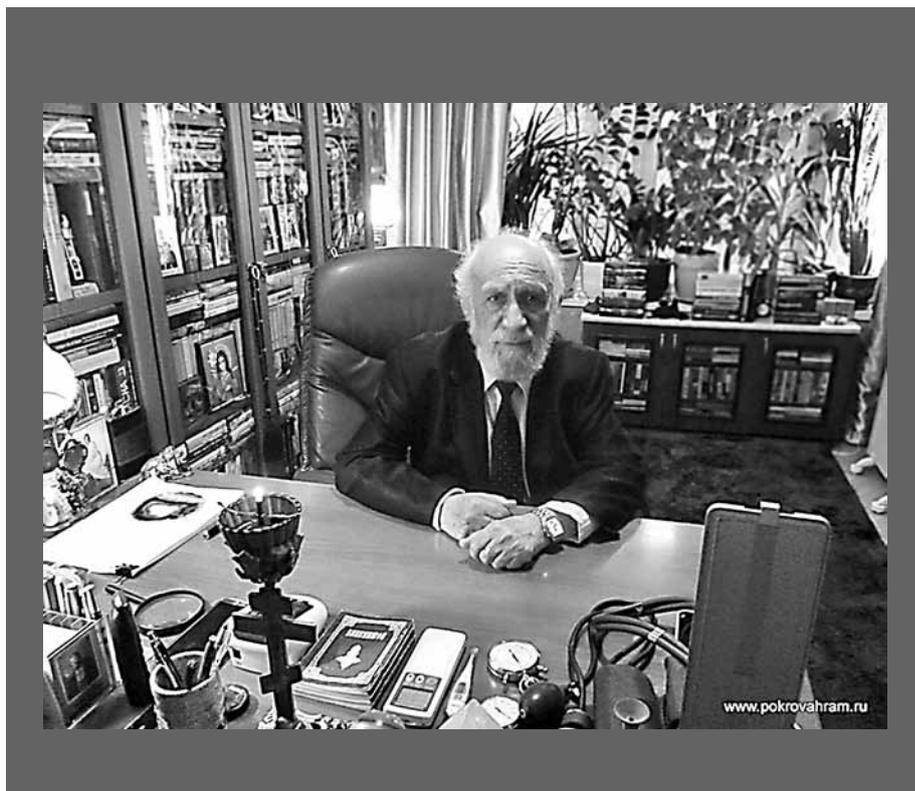
как сказано в газете, пожал ему руку и произнес: «Вы настоящий моряк». «А на самом деле он сказал: Если еще кто-нибудь родит на судне, я тебя выгоню», — смеется доктор.

Он и на Чукотке с энцефалитом сражался, и в Гурьеве с холерой. Работал в научной экспедиции в Якутске. А до мединститута трудился нефтяником в Уфе.

Родился в Майкопе. Отец военный, мать рабочая. Защитил две кандидатских диссертации — по медицине и по биологии: про ферменты и про то, как лекарства вли-

исцелять. А когда стройплощадку на подворье создавали, снесли все ветхие сарайчики, где молитвенные группы собирались и где доктор сердечников лечил. Стройка затянулась, больных принимать стало негде. Наш брат во Христе протоиерей Валентин Асмус, устывав об этих трудных обстоятельствах, пригласил доктора к себе в Покровский храм. Теперь и наши сердечники стали ездить на прием туда, на Красносельскую.

Доктор Крайко многих спас. И грешного аза в том числе: зафиксировал выздоровление.

яют в организме друг на друга. Написал и докторскую, но защищать не стал — времени нет: чредой идут больные.

В его приемной блещут стеклами грамоты-благодарности настоятелей и старост четырех московских храмов.

Житель подмосковного Пушкина, Крайко начал служение церковного врача в Новой Деревне у о. Александра Меня. Лечил священника и его родных; потом батюшка выделил ему в сторожке кабинет для приема прихожан. Но через неделю отца убили.

Пережив беду, Феликс Семенович разыскал его друга, о. Александра Борисова, и начал служить у нас в храме. Больных

Моей жене позвонил по телефону: «Ваш муж — симулянт. Передо мной сидит здоровый молодой человек».

Лекарств мне доктор поубавил. А ехать в Крым не разрешил. И бегать тоже: «Зачем вам бегать? — А купаться зимой? — Дождемся зимы».

По воскресеньям Феликс Семенович помогал священнику в алтаре Покровского храма. В его лечебном кабинете на стене висел стихарь...

Смерть — продолжение жизни. Она называется: жизнь вечная.

Владимир Ерохин

«Мы – гусеницы ангелов...»

(Продолжение. Начало см. в ПГ №123)

Татьяна Макарова

В 1986 году в газете «Труд» появилась пасквильная статья о нем (*Александре Мене. – Ред.*) Обычно такие публикации предшествовали аресту. Алик отлучился на несколько дней с бригадой плотников на заработки. Я поехала в Новую Деревню одна. Хотелось сказать отцу Александру о нашей преданности, боли, сочувствии, о бесконечном омерзении к ненавистной советчине.

Приехала днем, уже после литургии. Мы стали ходить с ним вокруг храма. И он неторопливо, вдумчиво, расспрашивая и вникая в подробности, погружался в нашу жизнь. Говорил о духовном инфантилизме, о спасительной силе молитвы. «Ну, как вы начинаете утро?» И страх за него, за всех нас, отступил. Это был опыт инициации. Отец не утешал, а ставил на крыло.

Каждый из нас был для него единицей Вечности, личностью, единственной в своем роде, и он старался общаться с нами так, чтобы мы чувствовали: для него ты – единственный. Иногда было трудно раскрыться на исповеди, чтобы не упасть в его глазах. И говоря о своих проблемах, я что-то смягчала, что-то, может быть, не договаривала. Хотя он был великодушным наставником.

В приходе сразу сложился круг людей родных по духу. Только-только пришедшие в Церковь чувствовали себя участниками общей радости: «Мы – христиане!» Эта общность помогала выживать во враждебном мире, спастись в буквальном смысле слова. В Новой Деревне мы бывали почти каждое воскресенье. Часто задерживались у друзей, которые снимали в Пушкино дачи, где устраивались общие праздники. Отец Александр приезжал к нам домой в Москву на встречи молитвенной группы.

Как-то раз он предложил нам экскурсию в Лавру, которую сам и провел. Алик пригласил своих друзей-литераторов, я – несколько сотрудниц из Абрамцева. Среди них недавно поступившую на работу в музей Л. Накануне я зашла к ней в комнату о чем-то спросить. На столе лежало Евангелие, и я, задев его случайно, обронила на пол. Л. с ужасом посмотрела

на меня, подняла Евангелие и поцеловала. Я поняла, что она – верующая. Она тоже была на экскурсии. Но к отцу Александру у нее интереса не возникло. Никогда ничего о нем не спрашивала, но и плохого не говорила.

Дивный день! Лавра! Отец Александр остановился у росписей под каменными сводами. Сюжеты из Жития Преподобного. Как вдохновенно он рассказывал о святом, для него особенно близком. Проникновенно, по-детски восторженно...

Именно тогда мне открылась личность Преподобного Сергия во всей полноте. Что я знала о нем, о его времени, проводя параллели с итальянским Возрождением, с Петраркой... А здесь вдруг они соприкоснулись в ином, духовном измерении: светлейший образ поэта и солнечный лик Преподобного.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

Все ли было просто в моей семейной жизни? С обеих сторон были усилия выстроить гармоничные отношения, пробиться «через тернии к звездам». Не сразу, далеко не сразу пришло ко мне понимание истинной ценности этой жизни. Я долгое время работала в музее, но, наконец, ушла в декрет. В 1978 году родилась Настюша, а в 1980-м – Поленька. О позднем их рождении Алика написал такие стихи.

И хорошо, что у нас с тобой поздние дети.
Раньше родились бы, бросили на произвол.
Ибо открылось рождение в подлинном свете
только недавно, не помышляя о лете,
В лоне сугроба загадочный ирис расцвел.
Из мыловарен детсадовских, умоплавилен
школьных и прочих в семью возвращают сирот!
Остерегитесь, мадам, ваш партнер инфантилен,
Хоть по-сократовски лыс и длиннобород.
Было ль известно в поневу обернутой бабе,
Грузно ступавшей позади своего живота,
То, что брюхата она во вселенском масштабе
И зачинала таинственный плод навсегда?
Может быть, нам это стало сегодня известно,
Голую наледь царапает цепкий росток.
Не потому ли так поздно они, так чудесно
Посланы,
Будто бы в свой предначертанный срок...

В день освящения нашей квартиры произошла одна из моих самых памятных бесед с отцом Александром. Я пригласила его в отдельную комнату (он знал, что я хочу исповедоваться) и не могла сдержать отчаяния, которое после рождения дочки меня угнетало: «Батюшка, я пропадаю. Все мои планы, все мои представления о будущем рушатся. Я чувствую себя в ловушке. Мне не удастся сделать то, на что я надеялась, чего с таким трудом добивалась, поступая в МГУ. Я хочу работать, писать книги, делать карьеру».

Да, отец Александр всегда был великодушным, но благодушным не был. А иногда был и решительным до резкости. Оттенки его отношения к духовным детям были самые разные, но прежде всего он хотел помочь нам избавиться от лишнего, от того, что мешает жить. Так было и в этот раз. Он посмотрел на меня и сказал: «Танечка! А вы подумайте, вспомните, чем занималась Божья Матерь. Какая была у нее повседневная жизнь?»

1978. В. Бусленко, А. Зорин, о. Александр, автор

Слова отца Александра, конечно, упали на совсем еще неподготовленную почву. Чтобы прийти ко Христу и обратиться, разным людям нужно разное время. Мне еще многое предстояло осмыслить. Позже я не только примирилась со своей судьбой, но поняла и умом, и сердцем, что роль женщины, мамы, хранительницы семейного очага – это святое. Его слова были напоминанием о святых обязанностях повседневности.

Сохранилась фотография – крещение нашей дочки. Эту фотографию, многократно увеличенную, я увидела в фойе Дома музыки, где Владимир Спиваков

1986. Автор – вторая справа

давал концерт в память отца Александра. Это была десятая годовщина его гибели. Отец Александр, обращая глаза к небу, поднимает дитя, как мне показалось, под Покров Божьей матери, о Которой он мне тогда напомнил...

К счастью, у нас с Аликом было единое представление о том, как нам нужно жить и воспитывать детей. Наши девочки были такими же, как все: и озорными, и непослушными – естественно. Но мы с само-

го начала относились к ним, как к маленьким личностям, и вырастили их свободными. Нам удалось, я надеюсь, наши ценности передать им.

СЕМХОЗ

Немаловажную роль в общении с отцом Александром сыграло то, что мы были соседями. У Алика в Семхозе дача, доставшаяся ему от матери, и мы живем здесь с ранней весны и до поздней осени.

Однажды мне нужно было уехать в Москву по делам, готовился абрамцевский путеводитель. Продуктовых магазинов поблизости нет, и назад я возвращалась с тяжелой столичной поклажей. Предупредить Алика о времени приезда я не могла, мобильные телефоны тогда еще не водились. И вот иду от железнодорожной станции, нарядная, на каблучках, в обеих руках по сумке. Смотрю, отец Александр спешит на автобус и обгоняет меня. Мы

Крещение Насти, старшей дочери Зориных

поздоровались, он даже успел благословить меня. Уже показался автобус. И тут у меня оборвались обе сумки, кульки и банки посыпалась на землю. Отец Александр обернулся, сбросил свои сумки, поставил портфель и стал помогать мне собирать продукты. Автобус ушел. Это был пронзительный момент. Я смутилась невероятно. Но для отца Александра это был естественный поступок. Он не мог пройти мимо человека, которому нужна была помощь, куда бы он ни спешил и чем бы ни был занят.

(Записал на диктофон и расшифровал О. Устинов)

(Продолжение следует)

Дорогая цена служения

О бывшем нашем прихожанине Гоше Великанове и его поистине христианской смерти мы писали (ПГ №№ 116 и 117). 25 января нынешнего года он погиб, спасая неизвестного бездомного из-под электрички. Сохранил ему жизнь, а свою потерял...

Сегодня о Георгии рассказывает хорошо его знавшая Ольга Лашкова, член редколлегии ПГ.

В самом начале 1990-х благодаря пламенной проповеди о. Александра Меня ко мне пришла вера, я начала ходить в церковь. Это помогло мне пережить трудности лихого десятилетия, которые в полной мере обрушились на нашу семью. В это время Бог открылся в доступной мне полноте, храм Космы и Дамиана стал моим домом, исповедь и причастие помогали выжить.

Настоятель о. Александр Борисов, священники Георгий Чистяков и Владимир Лапшин продолжали традиции своего друга о. Александра Меня. Я обрела здесь общину людей, для которых исполнение заповедей любви, служение ближнему стало главным делом жизни. Каждое посещение храма, и не только богослужения, становилось радостью.

Вот в такой чудесной атмосфере и произошла во второй половине 1990-х моя встреча с Георгием Великановым и его мамой Ольгой. Мы познакомились в паломничестве. Георгий был еще подростком, но уже привлекал внимание внутренней глубиной, в нем обнаруживалась живая вера, любовь и интерес к Церкви. Он был открыт людям, умел общаться и с ровесниками, и со взрослыми. Привлекала и его красивая внешность: выразительные глаза, правильные черты лица, шапка кудрявых волос.

Нравилось и то, что с мамой их связывала не только любовь, но дружба и взаимопонимание. Она была доброжелательным, остроумным, простым в общении человеком.

Постепенно мы подружились, общались после литургии. Ольга работала на кабельном телевидении, делала репортажи, снимала видеофильмы. Мы были в каком-то смысле коллегами. Незадолго перед тем я распрощалась с работой инженера, которая оказалась в эти годы ненужной, в 1996-м закончила Свято-Тихоновский институт по специальности религиоведение, начала работать в православной прессе, редактором и журналистом. Часто я видела в храме и Георгия с его приветливым лицом и обаятельной улыбкой...

После школы он поступил в РГГУ на исторический факультет, который благополучно окончил. В это время я начала работать в журнале «История» и предложила Гоше сотрудничать с нами в качестве автора. Надеялась, что его привлечет не только близкая ему тематика, но и высокие гонорары. И Гоша, действительно, сразу дал согласие. Обговорили тему для первой статьи. Но он... исчез. Я понимала, конечно, что он очень занят – постоянно учился, работал, много чего делал в храме.

И вот иду однажды по Тверской из храма, а встречу – он, Георгий. Остановились, разговорились. О пока что не написанной статье, о дорогом моему сердцу Свято-Тихоновском институте, куда Георгий тоже поступил на богословско-пастырский факультет. От Гоши, как всегда, исходили доброжелательность и сердечное тепло. На прощанье он меня поцеловал, что меня очень растрогало...

К этому времени, в начале 2000-х годов, в храме уже действовало много малых групп разной направленности: евангельские, молитвенные, группы милосердия, кормления бездомных... Гоша много времени и сил отдавал группе поддержки беженцев, которые приехали из разных мест бывшего СССР и осели в деревнях вокруг Москвы. Они были совершенно не устроены, брошены. Прихожане собирали для них одежду, белье, посуду, лекарство и прочее, что было необходимо этим несчастным. А участники группы все это разбирали, сортировали, упаковывали и доставляли в самые отдаленные уголки. И там раздавали.

А потом Гоша, узнав, что где-то в Митино образовалась в местном приходе молодежная группа во главе с молодым энергичным священником, перешел в этот храм и стал активно трудиться уже там.

Как-то приехала я с паломнической группой в далекий монастырь. Мы оказались возле скита, известного строгостью правил и высокой духовностью его иноков. Впустили туда только мужчин. Мы, женщины, ходили вокруг, стараясь разглядеть через забор храмы и кельи. И вдруг одна из сестер говорит: «Гоша Великанов приезжает сюда, он живет за оградой в палатке и ходит в скит на беседы к старцу»...

Как и многие, я предполагала, что Георгию суждено стать священником. В нем чувствовались напря-

женная внутренняя работа, духовная глубина, скрываемое подвижничество. И все это в сочетании с простотой общения и щедрой самоотдачей. Радостно было узнать, что он женился и уже на пути к рукоположению в диаконы. И при этом успешно сдает экзамены в ПСТБИ, где, как известно, учиться очень трудно...

Последний раз я с ним встретилась года два назад, зимой. Ехала в троллейбусе домой. Вдруг на остановке возле недавно построенного храма Праведного Алексея Московского входит Гоша. Увидев меня, подошел, поздоровался. Я удивленно спросила, что его привело в наш отдаленный район. «Пришел посмотреть новый храм»... Потом по моей просьбе стал рассказывать о своем нынешнем храме, поскольку меня очень интересовала их община.

Таким, как в тот последний раз, я его и запомнила: приветливая улыбка, румянец от мороза, съехавшая к затылку шапка на кудрявых, уже поредевших волосах.

Свою многоценную жизнь – любимого сына, любимого мужа, любимого многими друга и будущего священника, который (в чем нет ни малейшего сомнения) был бы добрым и нужным пастырем – он отдал за жизнь незнакомого человека. Бездомного, сильно пьющего.

«Оставь все и следуй за Мной», – сказал Христос. Верится, что наш Гоша продолжает осуществлять свое служение Богу и людям.

Ольга Лашкова

ДОРОГИ ПАЛОМНИКОВ

Две встречи с Печорами

Двадцать два года прошло после моей первой поездки в Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь – к архимандриту Иоанну (Крестьянкину). Я ничего о нем не знал, поехать к нему было откровением, неожиданной мыслью, брызнувшей в сознании, будто внезапный сноп света на темной улице...

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ИОАННА

Тогда монастырь не произвел на меня впечатления, показался суховатым, не очень-то открытым или просто уставшим от людей. Впрочем, была там и блаженная, с удивительно чистым, привлекательным лицом, глубокими и ясными глазами. Но общее впечатление, что побывал в заповеднике времени. Красиво, нежно, родным отдает, тянет к себе, но возврат к нему, точнее в него, невозможен. Так мне тогда показалось с налету. Хотя да, были времена, когда монастырь, основанный в 1473 году, оставался единственным в России, и его главная задача состояла в сохранении и распространении веры в народе...

С отцом Иоанном я не увиделся. Он болел, но отвечал на мои записки. Этой спонтанной переписки оказалось достаточно. Я получил ответ, который предполагал мой выбор. К нему я и до этого готовился, но еще не принял. А теперь новый мир, новые категории мира мне стали открываться, изменяя и в итоге изменив меня и мой

мир. Благодаря той спонтанной паломнической переписке с отцом Иоанном я получил ясность и новое знание о себе. Осознать себя – вот зачем я поехал к старцу

Иоанну! Чтобы узнать, куда и как мне идти.

Я встал на путь воцерковления. Пришел впервые в храм Космы и Дамиана в Шубине. И остался здесь, слава Богу.

НЕТЛЕННЫЕ «УЛИЦЫ»

И вот я вновь в этом монастыре, спустя два с лишним десятка лет.

На входе в «Пещеры Богом зданные» монах спросил: «Зачем идешь в пещеры?». Мой ответ «Молиться», похоже, оказался правильным.

Сразу после входа в Пещеры – святые мощи преподобных Ионы (основателя монастыря), его жены Вассы (первой постриженицы обители), Лазаря прозорливого, Марка. На деревянной раке Вассы – следы огня. По легенде, пламя вырвалось из раки в ответ на действия придурка, который несколько столетий назад пытался ее открыть. В другом, тоже вырубленном в горе небольшом помещении, с окном, забранном решеткой, рака преподобного Лазаря (XIX век), который последние несколько лет своей жизни провел в этой келье. На стене его вериги, железные, на замке, чтобы никто не унес. Что-то вроде железных помочей, крест-накрест, составленных из пластин и цепей с грубым крестом впереди. Полтора столетия прошло, а металл не корродировал в этой сырости. После первой смерти Лазарь через несколько дней очнулся и встал со словами «Смерть грешников люта».

Здесь, внутри Пещеры, никогда нет запаха тления. И это не от особенностей почвы. В том же холме, но подальше, устроено овощехранилище, в котором пахнет гнилыми овощами, они подвержены тлению. А ведь почва та же.

Пол в пещерах «Богом зданные» засыпан мельчайшим песком, поэтому полы мягкие, даже кажется, теплые, но это обманчивое впечатление. Песок не только ослабляет боль, если человек упадет, но и снижает риск падения, так как сглаживает неровности.

Ходы-коридоры, в стенах которых замурованы ниши с гробами (от двух до 10 и более), монахи называют «улицами». Начиная с XV века тут похоронено около 10000 монахов и святых, мирян, воинов, жертвователей. Монах, который вел нас по улицам пещер, особым образом держал свечку, притопив ее между пальцами так, чтобы при ходьбе огонек был прикрыт за изгибом ладони, поднятой вверх.

В XVI веке наладили изготовление каменных надгробных плит, которые покрывали особой керамикой зеленого цвета. Их называют керамидами. До сих пор эти надгробные плиты как новые. Но затем секрет был утерян, и плиты стали делать без керамики.

В дальних пещерах расположены два больших братских кладбища. Одно закрыто дверью с иконой Богородицы, оно примерно на полсотни гробов. На двери другого, в четыре этажа, дверь с иконой Святой Троицы. Это здесь преподобный Симеон, мощи которого хранятся в Сретенском храме, прятал советских разведчиков по время Великой отечественной войны.

А в месте упокоения пр. Симеона после его канонизации теперь поставлен гроб с останками Иоанна (Крестьянкина). Так мы вновь встретились. Пальцами я коснулся мрамора надгробной доски и дерева гроба его...

ВО ПЛОТИ ВРЕМЕНИ

Проходя по этим «улицам», коридорам во времени, ты ощущаешь избирательность времени. Или ты в нем бултыхаешься, как щепка, или тебя обжимает густой, теплый поток, подобный некоей плоти, и он несет тебя к цели, где,

возможно, ты сумеешь ответить на вопрос: зачем я здесь сейчас, зачем я приезжал сюда 20 лет назад?

Тогда я хотел изменить жизнь. Сейчас жизнь меняется, иной раз опережая мои решения. И я прошу помощи, чтобы подготовиться. Или перед лицом уже произошедших изменений получить возможность остановиться, осмотреться и понять, что должен сделать, чтобы вписаться в поток времени, от которого я было отстал...

В пещерах люди порой падают в обморок от нехватки кислорода. Ибо здесь нет вентиляции.

Очень тепло, жарко в каморках-будках, на входе в монастырь и в пещеры, в будках сидят надзирающие за порядком. Это не только монахи. Вот у входа в пещеры несет службу древняя старушка, божий одуванчик, но с необычными глазами ангела. У нее в каморке жарко, как в печи, а она еще одета в старое зимнее пальто, на голове – черная шапка из облезлого меха. И старушке хорошо. Потому что каморки эти наполнены духовной жизнью, телесные потребности тут отключаются. Она сидела и смотрела на меня глазами ангела, бабушка в мужском монастыре...

Необычный для русских монастырей обычай. И вполне традиционный для Афона. Днем в Сретенском храме сидит схииеромонах Никон и помазывает всех желающих, которые подходят к нему за благословением и особенным словом. Его пухлая рука благоухает миром. Одутловатый, с паклями седых волос и всклокоченной седой бородой. Монастырь благословил его на оказание помо-

щи людям. Получается, печорские монахи восстанавливают институт старчества, подхватив завет оптинских старцев...

Всенощная в Михайловском храме во главе с наместником монастыря архимандритом Тихоном (Секретаревым), – увы, почившем спустя несколько месяцев, 12 сентября 2018 г. На службу привезли святыни из Киева, частицу Мамврийского дуба и частицу мощей святителя вмч. митрополита

Владимира, который перед смертью вымолил прощение убивавшим его чекистам у стен Киево-Печерской лавры в начале 20-х.

На ранней литургии в Успенском храме, вырубленном в холме, не сразу осознал, что мне она напомнила. Ну, конечно! Службу в греческом монастыре Ватопед на Афоне. Та же атмосфера, порожденная в том случае тысячекратной молитвой, в этом – полувекковой, ее особая плавность, уверенность, неотвратимая безусловность.

Выходили «кровавым путем», который тянется от обители до Успенского храма. По этому пути царь Иоанн Грозный нес обезглавленное им тело настоятеля монастыря Корнилия. Заподозрив его в заговоре, отсек ему голову собственноручно мечом, когда тот шел навстречу. Умелый был воин, не смотря на упрямленческую работу. Тут же и расправился в соделанном. Кровь окропила эту дорожку, которую ко дню Успения Богородицы, монастырскому празднику, украшают цветами...

Владислав Дорофеев

Эллада от богов Олимпа до Иисуса Христа

(Продолжение. Начало см. в № 120-121, 122)

НИСХОЖДЕНИЕ В РУСАНУ

До встречи с монастырями мы посетили иконописную мастерскую. Она на выезде из города. Официальное название – Zindros, мастерская старинных византийских икон. Здесь создают и продают произведения для греческих монастырей и христианских храмов. Продают и туристам, при мастерской есть магазин. Немалое число икон являются точными копиями самых известных образцов православной живописи, оригиналы которых хранятся в монастырях по всему миру. Копии – как и полностью авторские работы – исполнены на высочайшем уровне, в чем мы (в меру своей компетентности) убедились, обойдя два больших торговых зала. Причем тут используются традиционные материалы и, соответственно, в точности соблюдаются прошедшие через века технологии – ручные, шелкография, литография... Обо всем этом нам подробно рассказал прекрасно говорящий по-русски сотрудник мастерской.

Первым нас ожидал монастырь Русану. Теперь уже вполне досягаемый. В 20-е годы XX века к монастырям были проложены дороги, прорублены каменные ступеньки. Не то, что прежде, когда попасть туда можно было лишь по навесным деревянным лестницам либо... в веревочных сетках, которые монахи поднимали вручную или с помощью ворота. Подъем занимал более получаса. Таким же способом доставлялись материалы для строительства и ремонта, а также все, что вращивалось и вскармливало повседневному монашеским трудом на угодьях, прилегающих к скале.

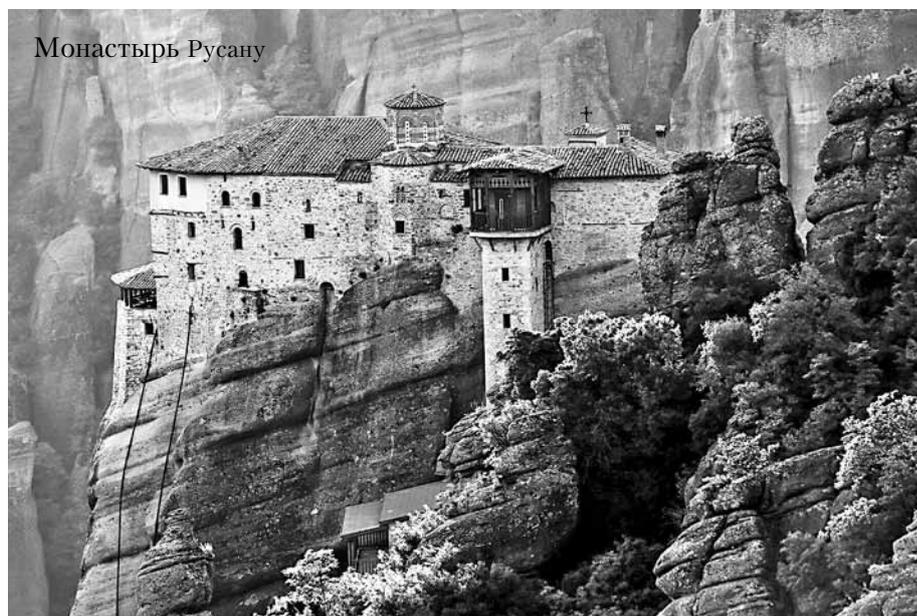
Правда, досягаемость и сейчас не безусловная, а потому вариативная. О чем Марианна предупредила заранее: «Если не будет дождя, тогда подьем на автобусе

к верхней точке и будем оттуда спускаться к монастырю. Местами по ступенькам, местами по тропе. А после монастыря спустимся ниже, там лестница до самой парковки, где автобус будет нас ждать. Но в случае дождя спускаться к обители по скользкой тропе опасно. Тогда уж подойдем снизу».

Дождь, слава богу, нас пощадил, подарив возможность воспользоваться живописнейшим маршрутом. Местами дорога низвергалась под приличным градусом крутизны. Тогда руки сами хватались за дружески протянутые ветви деревьев. Они выстроились по бокам, словно две шеренги бойцов МЧС, для безопасности туристов и здеш-

рающемуся в ворота, я невольно подумал: а смогли бы отшельники-мужчины сделать этот двор столь прекрасным? Пышный густо-красный крест из цветов обрамлен богатым, но не буйным, а лапидарно-упорядоченным многоцветием. Это выглядит чудесным образцом садово-декоративного искусства. Сколько же пришлось вознести сюда землицы – на голую верхотуру скалы!..

Сам монастырь воспринимается глазом как ее естественное продолжение. Это отметила и Марианна: «Здание составляет одно тело со скалой». Над ним развевается греческий государственный флаг. Белый крест и полосы –

них обитателей. Легко себе представить, каково тут спускаться, если под ногами мокро. Особенно монахам в их длиннополом облачении.

Впрочем, не монахам, а монахиням. Монастырь ведь женский. А прежде, со дня своего основания в XVI веке до середины XX-го, был мужским. И когда мы проходили по мостику, подвешенному над монастырским двором и опи-

белые, синие. Официального объяснения этой символики не существует. По одной из версий, полосы означают девять муз – богинь искусства и наук. Белый крест – Георгиевский (в Греции Святого Георгия, покровителя пастухов и хлеборобов, почитают и праздником – 23 апреля). По-моему, такая версия вполне соответствует монашескому призванию и образу жизни...

Перед входом в обитель наш гид успела завершить экскурс в его предысторию. Сказав, в частности, что Русану (Русанос) – это имя монаха, который первым обосновался на дикой скале и жил тут до конца дней в полном одиночестве. На смену ему пришли иеромонахи Никодимос и Венедиктос, они и заложили монастырь в конце XIV века. А достроен он был в XVI-м.

НЕВИДИМАЯ АСКЕЗА

Входим. Нашим женщинам, которые в брюках, выдают накидные юбки. Они, в отличие от монашеского облачения, разные и цветастые, но в меру.

Справа от входа вижу дверь. Заглянул туда. Небольшая комната, где продают иконы и другие сувениры. Сейчас там никого, если не считать молодой монашенки в черном платке. Сидит за столиком и приветливо мне улыбается...

Тем временем Марианна увлекает нас за собой. По пути сообщает, что монастырь имеет и другое название – Святой Варвары. Тут хранятся ее мощи. Пояснила также, что обитель маленькая, всего 15 монахинь.

«А это, – продолжила она, когда мы вошли в помещение, напоминающее крытую террасу, – сигнальные инструменты». И направилась к штaketнику, заменяющему стену. За ним – ряд крупных цветов в горшках размером с ведро. А уж далее – двор. В его глубине воздымаются кусты, тоже увенчанные яркими цветами.

Марианна остановилась у подвешенного к потолку горизонтально на двух цепях массивного предмета, похожего на скалку для семьи великанов. «Это деревянное било, как у вас его называют». Взяла откуда-то изящный молоточек и стукнула пару раз. Раздался низкого тона гул. Сигнальные инструменты, пояснила наш гид, нужны для того, чтобы приглашать обитателей монастыря на молитву.

Другой свисающий с потолка инструмент представляет собой конструкцию из трех, расположенных одно под другим металлических колец разного диаметра. Марианна берет стальной стержень и ударяет по кольцам, они издают мелодичные звуки разной высоты. Громкость, говорит она,

может быть значительно большей. Но здесь не нарушают покой соседних монастырей. Ведь в чистоте и безмолвии горного воздуха звук разносится очень далеко.

Идем дальше. Внутренние стены выглядят, как мостовая из булыжника, который перемежается кирпичной кладкой. Стыки, интервалы заполнены цементом. И выглядит это отнюдь не топорно. Напротив, красиво и даже стильно. А в монастырской церкви – небольшой, уютной, с низким потолком – такие же стены украшены замечательной росписью. Ее авторы – критские художники. Они тут работали как раз тогда, когда их знаменитая школа достигла пика расцвета. Великолепен и резной иконостас с богатой позолотой по дереву.

Еще обращают на себя внимание стасидии. Это, кто не знает, деревянные кресла, приспособленные для того, чтобы во время богослужения можно было и стоять, и сидеть. Стоишь, опершись о высокие подлокотники, устал – откидываешь сидение и садишься. Очень удобно. И человеколюбиво. «Гуманоидно», как шутил о. Александр Мень.

Хотя, собственно говоря, сидеть или стоять – это зависит и от момента богослужения. Монастырские традиции предписывают время входа в стасидии и выхода из них. Использование таких кресел обусловлено греческой православной традицией. Но распространены они и в храмах Кипра, Египта, Сирии, Палестины, Турции, Болгарии, Румынии. Наше отечество в этом списке не значится.

Вообще, эта атрибутика, как и в целом обращающий на себя внимание уют, пусть и умеренный, казалось бы, не очень вяжется с представлениями о суровости монашеской жизни. Об уходе от мирских соблазнов и удобств, об аскетических подвигах ради того, чтобы полностью отдать себя Богу. Кстати сказать, за воротами монастыря нам подвернулась еще одна подробность, отличающая сегодняшние дни от времен оных. Это туалет. Две кабинки, М и Ж. Предбанники для мытья рук. Очень чисто, рулон бумаги, флакон жидкого мыла, рукосушитель, который своим ревом пытается по-

сгнать на царящую снаружи тишину...

Ну, ладно, допустим, искренней (не показной) аскезе блага цивилизации не помеха. Но совместимо ли отшельничество с регулярными наплывами гостей-туристов? Правда, надо отметить, что кроме монашенки, продающей иконы, мы никого из сестер не видели. А они, стало быть, нас.

Когда выходили из монастыря, начался дождь. И хоть был он редкий и недолгий, но хорошо, что закапал сейчас, а не на спуске к монастырю.

НАСЛЕДИЕ СВ. ВАРЛААМА

Мужской монастырь Всех Святых имеет и другое название, в котором упомянут лишь один из них – Варлаам. За что такое предпочтение? А именно он, монах Варлаам, первым поднялся на эту 375-метровую скалу и обжил ее. Построил скит и вместе с другими отшельниками, которые вскоре тут появились, – часовню Трех иерархов (Василия Великого, Григория Двоеслова и Иоанна Златоуста). Все это было в первой половине XIV века.

Монастырь же поднялся на руинах скита два века спустя, основали его монахи, родные братья Нектарий и Феофан по фамилии Апсар. Строительство продолжалось 22 года, материалы поднимали, как и людей, в сетках и корзинах.

Любопытно, что слово «апсары» встречается в индуистской мифологии. Это розовоногие, необычайной красоты девы-танцовщицы, служившие богам. И те их использовали, между прочим, для соблазнения аскетов и святых отшельников. Зачем? А чтобы не смогли путем аскезы стать равными богам. Вот такое столкновение

смыслов за одним и тем же словом «апсар». Противостояние вероисповеданий...

Подойдя к воротам, за которыми длинная извилистая дорога, вымощенная брусчаткой, взмывала вверх, я задрал голову. Над громадой стены с бойницами, встроеной в макушку скалы, белел огромный, метра три в высоту, крест, а по сторонам его высились два флагштока. На одном – бело-синее, хорошо знакомое полотнище, на другом – золотое, с черным

седка с колоннами и куполом, увенчанным крестом. А справа – великолепный архитектурный комплекс: монастырь включает в себя Собор Всех Святых. Построен в 1542 году. Здание немалых размеров, а ведь тогда еще не высекли каменную лестницу, пользовались веревочными подъемниками...

Но главное достоинство собора – не в архитектуре даже, а во внутреннем убранстве. Прежде всего, это потрясающие росписи – по краскам, рисунку, сюжетам.

И якобы Мать Божия сама ее благословила. Знал ли об этом Лука?..

В целом фрески и иконописи храма, исполненные с высочайшим мастерством, многофигурны и очень нарядны. Венцом украшения являются изображение Вседержителя на куполе и Платитера (Богоматерь с Христом-Эммануилом на груди) – под аркой святилища. И, конечно, Царские врата – великолепная резьба по дереву...

*Владимир Грудский.
Фото Татьяны Корыгиной*

(Продолжение следует)

двуглавым орлом. Флаг монастыря? Нет, пояснила Марианна, флаг греческой православной церкви.

Дорога, ведущая к этой эффектной композиции, сменилась лестницей. Широкие плиты ее каменных ступеней опоясывают скалу. В итоге мы оказались на просторной площадке, даже почти площади, тоже с плиточным подножием. Слева – парапет из камня по краю пропасти и большая, красивая бе-

Вот монах святой Сысой перед могилой Александра Великого оплакивает суету земную. Надпись: «Тело Великого Александра во славе и после долгих лет, но смерть не щадит и великих мира сего».

На другой стене – «Одигитрия», один из наиболее распространенных типов изображения Богоматери с младенцем Иисусом. Авторство первой такой иконы приписывают евангелисту Луке.

Программа поездок на 2018–2019 гг.

1. Калязин – Кашин – Углич, 3–5 ноября.
2. Германия (Дрезден, Ахен, Трир, Кельн); Франция (Страсбург и Эшо); Люксембург и Эхтернах, 3–9 января.
3. Израиль – Иордания, 22 февраля – 3 марта.
4. Португалия – северная Испания, 8–15 мая.
5. Алтай, конец июля – начало августа (программа пока разрабатывается).
6. Грузия (Мцхета, Тбилиси, Кахетия, Верхняя Сванетия), 27 августа–4 сентября.

Записаться (в том числе предварительно) и получить дополнительную информацию можно по телефону 8 (910) 426-86 41 или по эл. почте smirnovamb@mail.ru, Маша Смирнова.

Сказал мне: «Иди и убей»...

В 1923 году приехавшая из Севастополя в Москву семья экономиста Аркадия Самойловича Гинзбурга поселилась в доме № 4 по Кривоколенному переулку. Когда-то в нем жил поэт Дмитрий Веневитинов, у которого в 1826 г. вернувшийся из Михайловской ссылки Пушкин читал «Бориса Годунова». Словно сами стены здесь помогали стать поэтом.

В 1927 г. девятилетний старший сын Гинзбургов Саша начал заниматься в литературном кружке при газете «Пионерская правда». Вел его один из лучших советских поэтов – Эдуард Багрицкий. Безмерно талантливый, щедро отдающий себя, он обладал способностью безошибочно видеть масштаб дарования в других. Разглядел он и этого ученика. В 1933 г. Багрицкий опубликовал в «Комсомольской правде» статью о своем кружке, где среди прочего писал: «Нахожу здесь таких самородков, как Гинзбург, книжку стихов которого я смогу напечатать через пару лет».

Книжка не появилась, но в главном Багрицкий не ошибся. Саша Гинзбург стал Александром Галичем. А позже между ним и учителем пролегал тот глубинный разлом, который прошел и через весь 20 век, и по сердцу самого Галича.

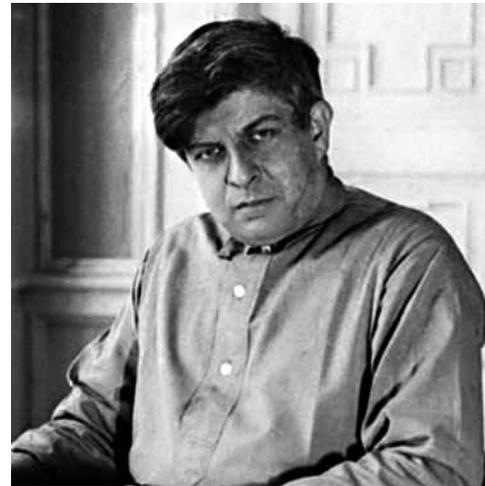
Поэзия Багрицкого была насквозь пронизана воздухом эпохи с его апофеозом революции, всецело принятой поэтом. Ради ее торжества он готов был переступить через многое. Особенно это видно в стихотворении с характерным названием «ТВС». Так назывался туберкулез – неизлечимая болезнь того времени. В нем мертвый Дзержинский приходит к поэту ночью и дает ему урок революционной морали и бдительности:

А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди – и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься, а вокруг враги;
Руки протянешь – и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», – солги.
Но если он скажет: «Убей», – убей.

Для Багрицкого это было непререкаемое кредо. Дышало отравленным воздухом и молодое поколение. Его тогдашнее настроение лучше всего выразил ровесник и товарищ Галича Павел Коган:

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.

Не обошла почти всеобщая зараженность и Галича. «Комсомольская песня», написанная им вместе с Соловьевым-Седым и вошедшая во все советские песенники 1950-х – 60-х, свидетельствует о том, что и его коснулась «высокая болезнь». Прививка Багрицкого долго давала о себе знать.

Но после того, как начала открываться правда о ГУЛАГЕ, жизнь не могла оставаться прежней. Происходило крушение главной идеи. Поколение, посаженное на иглу лжи, переживало страшную ломку. Одни не выдерживали ее, спивались, кончали с собой. Другие, все понимая, становились циниками и приспособленцами. Третьи, удовлетворились «сказкой о хорошем Ленине и плохом Сталине».

У Галича было одно спасительное свойство – всегда идти до конца. Чтобы разобраться с тем, что карежило его изнутри, поэту потребовалось обращение к библейскому жанру. В русской поэзии переложение псалмов имело более чем двухвековую традицию. Но в XX столетии псалом вдруг снова стал не переложением, не неким «упражнением на заданную тему», а разговором с Богом от своего лица, личной исповедью, прямой речью. В нем, как и в библейские времена, уместался весь жизненный путь человека, опыт распознавания зла и лжи, казавшихся добром и правдой, отчаяние и надежда, жажда света во тьме. Жанровые признаки псалма были отчетливо видны в стихотворении Пастернака «Рассвет».

Свою исповедь, в которой уместилась страшная судьба целого поколения, отравленного губительным самообманом, перепутавшего небо и дно, Галич прямо назвал «Псалом»:

Что знал я в ту пору о Боге
 На тихой заре бытия?
 Я вылепил руки и ноги,
 И голову вылепил я.
 И полон предчувствием смутным
 Мечтал я, при свете огня,
 Что будет Он добрым и мудрым,
 Что Он пожалеет меня!
 Когда ж он померк, этот длинный
 День страхов, надежд и скорбей –
 Мой бог, сотворенный из глины,
 Сказал мне: – Иди и убей!..

Галич вступил в открытый спор с Багрицким. Завет учителя и принятые им когда-то на веру требования палаческого века («Но если он скажет: "Убей" – убей») поэт отверг. Его «Псалом» стал метафорой целой эпохи, подменившей Бога жаждущим крови идолом, уродующим и плюющим души своих поклонников. Против него свидетельствовали и судьбы русских поэтов XX века, любимых Галичем, – Гумилева и Мандельштама, Пастернака, Ахматовой и Цветаевой.

Но псалом – это, прежде всего, молитва. И стихотворение Галича заканчивается воплем из глубины тогда еще не обретшего веры человека о высшей правде и милости:

Но вновь я печально и строго
 С утра выхожу за порог –
 На поиски доброго Бога
 И – ах, да поможет мне Бог!

Вопль был услышан. На своем жизненном пути поэт встретил отца Александра Меня, который открыл Галичу Христа и крестил его. Слово Пушкина, услышанное и воспринятое еще в детские годы в «отчем доме», оказалось сильнее ядовитой прививки «жуткого столетия». Оно вело к Евангелию. А Давидова арфа, не раз отзывавшаяся в русской поэзии, откликнулась и струнами гитары Галича.

Григорий Зобин

КАЖДЫЙ ПИШЕТ, ЧТО ОН СЛЫШИТ

Сергей Федоров-Мистик

Искусство

В 1985 году я подвизался в качестве певца в Успенском храме на Городке, в Звенигороде. Храме, в котором сохранились фрески Андрея Рублева. Регентом хора, псаломщиком и алтарником в одном лице был Андрей Гутерман. Он был поэтом, окончил литературный институт. Искал Истину. В поисках Истины прошел изучение восточных культов (подолгу стоял на голове). Потом их отверг и со всюю страстностью принял христианство. Отверг он также литературу и поэзию как ненужные для спасения души. Он решил стать монахом.

Однажды после службы между нами возник ожесточенный спор об искусстве. Имеет ли оно право на существование и не отвлекает ли оно от поиска Бога. Андрей утверждал, что искусство служит гордыне. Салонная жизнь поэтов, музыкантов, художников – это гибель. Каждый из них маленький бог. И люди, восхищаясь поэтами, занимаются идолопоклонством.

По мнению Андрея, спасутся только православные, а остальное человечество – это сено для вечного огня. Искусство спасти человечество не может. В огонь пойдут также все католики, протестанты как еретики. Мы спорили,

спасется ли католическая молочница, которую кардиналы научили верить по-католически. Андрей утверждал, что, конечно, нет, ссылаясь на епископа Игнатия Брянчанинова.

Долго длился наш спор. По ходу дискуссии Андрей рассказал о странном событии. Ему приходилось жить в разных местах. Один из домов, где Андрей оставлял свои вещи, сгорел дотла. Сгорели и все его вещи. Не сгорел только чемодан, в котором были рукописи и стихи. Хозяйка, думая, что там документы, успела вынести его из горящего дома. Действительно, «рукописи не горят».

– Наверное, Богу неудобно было, чтобы все мои стихи сгорели, – заключил Андрей.

Через несколько дней после этого спора я попал на лекцию Сергея Сергеевича Аверинцева «Византия и Русь». Лекция проходила в Доме художника. Находясь под впечатлением от спора и пребывая в состоянии возмущения

духа, после лекции я спросил Сергея Сергеевича:

— Как христиане должны воспринимать искусство? Ведь некоторые считают, что это нечто демоническое, служит гордыне.

Аверинцев ответил:

— То, что несет в себе нравственное, духовное, чем может быть плохо?

— Но считают, что искусство само по себе становится для человека идолом. Человек служит искусству, занят искусством, он уже не молится Богу. И нужно ли такое искусство? Конечно, речь не идет об искусстве иконописи, церковной музыке.

— Все, что угодно, для человека может стать идолом, не только искусство. Можно и иконы писать из самой мерзкой гордыни.

— Но человек, с упоением отдаваясь искусству, забывает Бога. Он сам себе бог.

— Искусство не должно быть для человека с большой буквы. Это плохо, когда искусство с большой буквы.

— Ну, а все-таки искусство от Бога или от беса?

Окружающие нас люди были слегка шокированы.

— Всякое творчество от Бога. Какое может быть творчество от бесов?

— А атомная бомба?

— Это не творчество, это комбинация.

На этом наша беседа закончилась.

Мы продолжали работать в Успенском соборе на Городке. Но летом 1986 года Андрей покинул

храм. Побывав в самых различных монастырях, он прибыл на Афон, где и был пострижен в монахи. Послушание он проходил у какого-то очень прозорливого старца. Слово старца Андрей воспринимал как волю Божию. Старец благословил его приехать в Москву и издать свои юношеские стихи отдельной книгой.

Книга была напечатана в 1994 году. Наверное, этим наш спор, нужно ли искусство, и завершился.

НА СНИМКЕ:

рисунок автора «Явление преподобного Саввы Сторожевского в храме Успения на Городке».

Виктория Ленко

Есть дни, наполненные счастьем,
Когда не знаешь почему,
В мороз, в жару или в ненастье
Ты чувствуешь в душе Весну!
И с ног тебя сбивает ветер,
И ливень хлещет по лицу,
А ты счастливей всех на свете!
Ты чувствуешь в душе Весну!
Когда Надежда светит в небе,
В душе твоей горит Любовь!
И Мудрость расцветает в Вере,
Что счастье только началось!

* * *

Я постоянно влюблена!
И в этом суть моей природы.
Я быть могу совсем одна,
Я не завищу от погоды.
Любовь – призвание мое!
Лишь ей душа моя подвластна!
Я не могу жить без нее!
Я без Любви всегда несчастна.
Но если посмотреть вокруг
На лес, на море и на горы,
На лица детские, то вдруг
Поймешь, что исчезает горе!
Все, что Господь нам подарил,
Дает возможность быть счастливым!
Я влюблена! И этот Мир
С моей Любовью стал красивей!

* * *

А я люблю любое Время года:
И теплый август, и сентябрь печальный,
И ноября простудную погоду,
И поцелуй мороза изначальный!
И в феврале кружение метели,
И оттепели на стекле скольженье,
И звонкие апрельские капли,
И лета незаметное рождение.
Да, я люблю любое Время года.
И каждый день благословляю тайно.
Ведь я такое же дитя Природы,
Как лист, слетевший с дерева случайно.

Александр Таллер

Горит свеча...
 Твой обнаженный стан
 Кричит и плачет, корчится от боли.
 Душа свечи, застывшая в неволе,
 Стремится в горнии просторы.

Горит свеча...
 Твой трепетный огонь
 Дает надежду о прекрасной доле,
 Манящей на небесном поле.
 И мы стремимся в горнии просторы.

Пришел я в храм...
 А там горит свеча
 Перед иконой Божьего страдания.
 И я узрел громаду мироздания,
 Упали с глаз невидимые шторы,

И я прозрел...
 И понял – Бог со мной.
 Страдающий Господь нас, грешных, любит.
 Неблагодарные мы чада Божьи, люди.
 Прости нас всех, Господь!
 Горит свеча...

* * *

Когда глаза любви печальны,
 Когда несбыточны мечты,
 Не поддавайся, друг, отчаянью,
 Красотке подари цветы.

Она глаза любви откроет,
 Улыбкой озарит тебя.
 И чудо вдруг случится вскоре,
 Посмотрит на тебя любя.

И дурнем ты счастливым станешь,
 Забудешь про еду и сон.
 На мир с улыбкой снова взглянешь.
 Прекрасна жизнь, когда влюблен.

Лада Негруль**ПОКРОВ**

Как щит, нас закрывает твой Покров! –
 Защитница, Заступница, Царица.
 Не тело лишь, а дух чтоб был здоров,
 Как Божья Мать, нам надобно смириться.

Храни же нас, пока мы на земле,
 Покуда не осуществим призванье:
 Чтоб лик Иисуса высветить во мгле,
 Чтоб жизнью сметь назвать существованье.

Храни друзей, нам дорогих людей –
 От бедствий и тревог, и дай им света.
 Среди мирских запутанных идей
 Открой им счастье Нового Завета.

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Не явилась Она с иконы.
 Долго ждали от Бога ответ...
 Но, поправ природы законы,
 Родилась Мария на свет.

Всё сносили: насмешки, удары,
 За бездетность свою терпя,
 Пусть родители были стары,
 Только жили, Бога любя.

Сколько слез и молитв прекрасных
 Было к Небу вознесено!
 Сколь погибло надежд напрасных...
 Уже смерть маячила, дно.

И когда уже кончился срок
 Упований обычных, земных,
 Ангел к ним пришел на порог,
 Из миров воплотившись иных.

Вот мы молимся – Небо глухо.
 Так мы думаем в раздраженье.
 Сами слушаем Бога в пол-уха,
 Значит, нету наверх движенья.

Старики Иоаким и Анна
 Миру верой смогли помочь.
 И смогло прозвучать: «Осанна!
 Родилась великая Дочь!»

МалOVERье – духа бесплодие,
 Это точное утвержденье...
 Всех поздравь под любви мелодию
 С Богородицы днем рожденья!

Тверская улица

Григорий Бродский

Писать о Тверской улице – дело весьма непростое, но, вместе с тем, очень интересное. Сейчас трудно себе представить, что в древности она начиналась от Иверских ворот Китайгородской стены и пересекала по мосту реку Неглинную...

Река Неглинная в те времена протекала в открытом течении и была достаточно широка, даже судоходна. Взору предстала великолепная картина Московского Кремля и стен Китай-города, обрамляемых этой рекой. В 1595 году мост через Неглинную был выполнен в камне и стал называться Воскресенским по имени не столь давно воссозданных в наше время Воскресенских ворот.

По достоверным источникам, дорога на Тверь упоминается в XIV веке. Это как раз соответствует времени активной борьбы за верховную власть между могущественными Тверским и Московским княжествами. Улица же полностью сложилась лишь к концу XV века.

Манежной площади с ее современным размахом тогда не существовало, и Тверская улица, перейдя через реку Неглинную, пересекала сперва Воскресенскую площадь, а затем Моисеевскую площадь, получившую свое наименование по Моисеевскому женскому монастырю, основанному на этом месте не позднее 1676 года. А до этого была известна стоявшая здесь с 1600 года церковь Моисея Боговидца (т. е. пророка Моисея). Монастырь существовал до 1765 года, когда он был упразднен по указу императрицы Екате-

рины II. Постройки монастыря разобрали в 1787 году, а в зданиях его богаделен авторства Якова Бухвостова были поселены два батальона Московского гарнизонного полка. На месте разобранного

«в память воинов, на брани убиенных во время Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг.».

Вообще, начиная с Воскресенской площади, на улице существовала достаточно плотная за-

Ф. Я. Алексеев.

«Вид на Воскресенские и Никольские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве». 1811 г.

монастыря, собственно, и была построена Моисеевская площадь. В 1883 году на ней воздвигнули часовню Александра Невского авторства архитектора Д. В. Чичагова

стройка, прорезанная переулками: Обжорным (по «Обжорному ряду» с многочисленными харчевнями) и Лоскутным (в котором торговали мехами и тканями).

Исторически ценный квартал был снесен в 1932–1938 гг., и на его месте возникла Манежная площадь.

Далее Тверская улица следовала вверх, по направлению к

цу изрядно спрямили, она получила привычные нам границы, хотя и была гораздо уже. До этого Тверская делала более крутую дугу, и наш храм, ныне находящийся в глубине Тверской площа-

Лишь в XVI веке на Тверской начинают постепенно появляться дворы знати. До этого здесь располагались преимущественно слободы: ближе к Манежной площади — дворы Стремянного полка, между Столешниковым и Страстной (ныне Пушкинской) площадью — Новгородская слобода (активно выходы из Новгорода селились также в районе Лубянской площади), а между Страстной и Триумфальной площадями — Воротниковская слобода.

В XVIII веке Тверская постепенно становится главной улицей Москвы. После переноса столицы в Санкт-Петербург цари въезжали в Кремль именно по Тверской.

К середине XIX века она стала богатой торговой улицей. Дворцы, за исключением дома генерал-губернатора, постепенно превращаются в магазины и гостиницы. В 1870-х тут появляется асфальтовое покрытие, а в 1896 г. — электрическое освещение.

В советские годы многое из исторической застройки было уничтожено. И страшно себе представить, что по Генплану реконструкции Москвы 1935 года от Тверской площади (тогда Советской) до Лубянской (тогда Дзержинского) предусматривалось проложить диагональную улицу со сносом всей застройки, встречающейся на пути. Такая участь постигла бы и наш храм, и многие другие ценные исторические сооружения столицы. Слава Богу, что от этого жуткого плана в конце концов отказались.

И ныне Тверская улица, хотя изрядно пострадавшая в годы безбожной власти, остается главной улицей Москвы и являет взору обилие великолепных архитектурных памятников. А также хранит множество тайн, уже не видимых глазу.

Григорий Бродский
(Продолжение следует)

Вид Тверской улицы с Воскресенской площади (1910-е гг.)

Белому городу. Но проходила она несколько правее нынешнего «русла». Как раз там, где ныне стоят дома на правой, четной, стороне. Но в середине XIX века ули-

ди, стоял практически на углу Тверской улицы и Космодамианского переуллка (как тогда называлось начало Столешникова переуллка).

Вид Тверской улицы с Моисеевской площади (1910-е гг.)

Главный редактор: протоиерей Александр Борисов
Редакционная коллегия: Роза Адамянц, Владимир Ерохин, Ольга Ерохина, Александр Зорин, Александр Кремлёв, Ольга Лашкова, Ирина Языкова
Редактор выпуска: Владимир Грудский

Дизайн и компьютерная верстка: Татьяна Корыгина
Адрес редакции: Столешников пер., д. 2
Тел.: +7 (495) 935-09-72; +7 (903) 287-14-40
e-mail: vsemenovich@yandex.ru или irinayazykova@yandex.ru
с указанием темы письма: «Для "Приходской Газеты"»